

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра славянской филологии

Место кашубского языка в ряду других славянских языков

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Автор работы:

Фадеева Мария Евгеньевна

профиль магистратуры: славянские языки

Научный руководитель:

к. ф. н. Ермола Валерий Иосифович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Основные моменты современной кашубистики.....	5
§ 1.1. Ключевые этапы истории кашубского народа.....	5
§ 1.2. История развития и изучения кашубского языка	15
Глава 2. Социолингвистические методы исследования языков малых народов	25
Глава 3. Определения места кашубского языка в ряду других славянских языков в лингвистическом и социолингвистическом аспектах.....	40
§ 3.1. Особенности грамматики кашубского языка на фоне других славянских языков	40
§ 3.2. Исследование восприятия поляками кашубского языкового вопроса путем анкетирования	45
§ 3.3. Статус кашубского языка и языковая ситуация в сопоставлении с другими славянскими микроязыками.....	58
Заключение.....	70
Библиография.....	73
Приложения.....	81

Введение

Современное славянское языкознание рассматривает и описывает в мельчайших деталях языки, число носителей которых исчисляется миллионами, и также не оставляет без внимания древние языки, поскольку их изучение важно для понимания истоков современных языков. К сожалению, на второй план в этой ситуации отходят языки малых народов, или же, по предложенной А. Д. Дуличенко терминологии «микроязыки». Настоящая работа посвящена одному из таких языков, а именно, распространенному на территории северной Польши кашубскому.

Количество научной литературы по кашубской тематике не идет в сравнение с другими языками, описанными досконально во всех аспектах. Началом интереса к кашубскому языку можно считать включение кашубской лексики в «Сравнительные словари всех языков и наречий», составленный по инициативе Екатерины II. Следующим существенным вкладом в разработку кашубского вопроса была статья И. А. Бодуэна де Куртене. Новой волной в интересе к кашубскому языку в российской науке послужила монография А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки». Также из работ на русском языке нельзя оставить без внимания работу В. И. Ермолы по кашубской фразеологии. Среди польских ученых кашубской тематикой занимались не очень большое количество ученых, однако, интерес к этой теме сподвигнул их на написание большого количества трудов с узкой тематикой. Среди этих персоналий в первую очередь стоит перечислить Е. Тредера, Э. Брезу, И. Боршчыковского, Х. Поповску-Таборску, О. Обрахт-Продзыньского, Л. Гильфердинга З. Шультку, З. Штибера, Г. Лабуду, А. Майковского и др.

Настоящая выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав и заключения. Дополнительные материалы (таблицы, карты, графики) находятся в приложении.

Актуальность настоящей квалификационной работы состоит в рассмотрении вопроса, которому уделяется меньшее количество внимания, нежели вопросам языков со статусом государственного, при том, что вопрос вымирания языка в большей степени можно считать безотлагательным.

Целью данной работы является определение места кашубского языка в ряду других славянских языков с учетом численности его носителей, его статуса, языковой ситуации и особенностей его прошлого и нынешнего развития. Поставленная в работе цель требует выполнения следующих задач:

- описание истории народа, пользующегося данным языком, необходимое для наглядности причин, по которым кашубский язык находится в таком положении в настоящий момент;
- рассмотрение достижений в исследованиях кашубского языка наиболее выдающимися учеными, занимавшимися этим вопросом;
- описание теоретической базы методов, используемых при исследовании кашубского языкового вопроса в настоящей работе;
- анализ особенностей грамматического и фонетического строя кашубского языка на фоне других, доступных для описания славянских языков;
- выявление отношения населения республики Польша к кашубскому языку, его носителям и актуальной языковой ситуации, создавшейся вокруг исследуемого языка;
- описание языковой ситуации других славянских микроязыков в сопоставлении с ситуацией исследуемого языка.

В ходе работы были применены методы анкетирования, количественного анализа и сравнительного анализа.

Объектом исследования, проведенного в рамках подготовки выпускной работы, является кашубский язык в различных аспектах его

функционирования и существования. Предметом исследования является взаимосвязь и положение кашубского языка в соотнесении с другими славянскими языками, классифицированными по различным признакам.

Положения, выносимые на защиту:

- кашубский язык занимает особое место на фоне родственных ему языков с точки зрения грамматического строя, который сохранил множество архаичных черт, утраченных большинством славянских языков;

- в среде национального большинства кашубский язык не воспринимается негативно, что может позволить оптимистичные прогнозы по его сохранности;

- языковая ситуация имеет большое влияние на сохранность языков, находящихся под угрозой вымирания, и стоит глубокого изучения с целью ее оптимизации.

Практическая ценность настоящей работы состоит в том, что систематизированные в ней данные могут быть применены в учебных пособиях по смежным тематикам, семинарах, курсах лекций.

Глава 1. Основные моменты современной кашубистики

§ 1.1. Ключевые этапы истории кашубского народа

Язык является в первую очередь средством коммуникации между людьми, что позволяет ему влиять на все сферы общественной жизни [Швейцер 1978: 258]. Поэтому невозможно говорить о языке в отрыве от общества, которое его использует. Особенно актуально это в случае с языками малых народов, когда язык также является фактором, который сплачивает народ, не обладающий собственным государством, и индикатором принадлежности к той или иной народности. Поэтому представляется необходимым, прежде чем углубиться в тему языка как такового, дать сжатую историческую справку о говорящей на нем группе, в данном случае кашубах.

Первое упоминание названия «кашубы» относится к середине XIII века и появилось в латинской титулатуре западно-поморских князей. Гданьские князья назывались «*dux Pomeraniae*», а название «*Cassubia*» относилось по большей части к Западному Поморью [Гильфердинг 1862: 344]. К концу первого тысячелетия на родине кашубов – поморье, принадлежащем Польше, сформировались три политических центра в Гданьске, Колобжеге и Волине. В конце X века пражский епископ Войцех крестил множество жителей Кашубии по пути своего миссионерства в Пруссию. В Колобжеге в 1000 г. появилось первый поморский диоцез, охватывающий всю кашубскую землю. Кашубы весьма долго сопротивлялись принятию христианства, навязываемого насильственными методами, защищая свои языческие верования. В определенный период главным кашубским центром стал Щецин, где правила династия Грифов, берущая свое начало от князя Вартислава в XII в., который в результате завоевательных кампаний был вынужден признать власть Польши – князя Болеслава Кривоустого [Borszczykowski 1999: 302]. Под его патронатом епископ Оттон произвел окончательную христианизацию его государства.

Еще в XII веке все Западное Поморье оказалось во власти немцев. В 1181 г. князь Богуслав I отдал правление в руки Фридриха Барбароссы, что означало перерыв в отношениях с Польшей на много веков. Все кашубские княжества никогда не были объединены в отдельное государство, часть из них перешла во власть Польши, другая попала под немецкое влияние [Labuda 1996: 204]. На территории всего поморья наряду с кашубским языком и литургической латынью, под влиянием католической церкви всегда использовались, а зачастую даже доминировали, польский язык на востоке и немецкий на западе. Западно-поморские епископы, руководствуясь принципами христианизации и условиями наплыва колонизирующего населения, предпочитали использовать немецкий язык. Со временем рыцарский и мещанский слои общества, а также духовенство практически полностью стали состоять из немцев. Исконно кашубское население имело два пути: более высокие сословия подвергались германизации, сохранив лишь свои кашубские фамилии, а также осознание славянского происхождения, сельское население оказалось на периферии общественной жизни без перспективы развития [Obracht-Prondzyński 2009: 61]. До самого окончания немецкого правления в 1945 году, на так называемом Немецком Поморье, к самым богатым и влиятельным родам относились древнейшие кашубские родословные Подкоможих (фон Путткамеров), Цыцевицов (фон Цитцевитц), Борков (фон Борк) и т. д. Все они культивировали память о поморском княжестве, некогда бывшем во владении династии Грифов, самым выдающимся представителем которой стал Богуслав X Великий (1474-1523). Немецкая колонизация имела место также и в Восточном Поморье, где против нее в лице ордена крестоносцев боролись и устанавливали контакты с Польшей князья Святополк Великий и Мстивой II.

Германизация и христианизация принесли местному населению прогресс в быту и экономике, но также дискриминацию и уход кашубского языка на третье место по престижу после немецкого и латыни [Borzyszkowski 2015: 165]. Положение населения, которое предпочло кашубский язык,

оставляло желать лучшего. Польским правителям не удалось сохранить Восточное Поморье в XIV веке и его завоевали Крестоносцы [Obracht-Prondzyński 2002: 33]. За полтора века немцам удалось укрепить статус немецкого языка и в этом регионе. В этом большую роль сыграл закон о запрете принятия славян в городские органы власти. Таким образом, кашубский язык уже тогда стал прерогативой сельского населения, а именно мелких рыцарей и крестьян. Результатом этого стали два явления: консервация кашубского языка, из-за отсутствия возможностей развития, и формирование множества говоров и диалектов, из-за невозможности создания общего для всех племен усредненного варианта. С середины XV в. стали издаваться религиозные книги на славянских языках тех регионов, а в 1584 году Шимон Крофей, пастор из Бытува, издал „Малый катехизис Мартина Лютера» написанный хоть и по-польски, но с многочисленными кашубизмами [Obracht-Prondzyński 2004: 288]. Однако, пастора, владевшего кашубским языком, у кашубов не было, что привело к упадку религиозной культуры. Принадлежащие к Короне и Речи Посполитой земли все же продолжали сохранять автономность вплоть до 1569 г. Летописцы того времени отмечали языковое отличие кашубов. Население жило главным образом за счет сельского хозяйства, рыболовства и лесничества, и идентифицировало себя с Пруссией по праву рождения, и с Польшей по национальности, хоть и разрозненной в плане языка повседневного общения [Borszczkowski 2010: 80].

Поморье в те времена, благодаря развитию и притоку переселенцев, представлявших различные этнические группы, представляло собой пеструю мозаику культур и религий. В исторической памяти кашубов оставили серьезный след польско-шведские войны, и участие в польско-турецких войнах шляхты, и даже крестьян. В период упадка мощи Речи Посполитой в XVIII веке Кашубия и Королевская Пруссия, как и все Западное Поморье, было разделено между Швецией и Бранденбургом.

В прусском государстве протестантство стало доминирующей религией, которая также служила политике германизации. Слупский суперинтендент Кристиан В. Хакен, в 1780 г. писал о большой национальной гордости славянского населения, о том, что кашубы не имеют проблем с пониманием польской речи, а вот поляки кашубов понимают с куда большим трудом [Матвеев 1969: 253]. Власти пытались искоренить кашубский язык, начиная с церкви и школы, следующими способами: проповеди читались на двух языках – кашубском и немецком, а прихожан принуждали выслушивать оба варианта, школам навязывали исключительно немецких учителей, а детей, не умеющих читать по-немецки, не принимали на обучение.

Попытки сохранения кашубами своей самобытности весьма беспокоили Фридриха II. Для противодействия этому он призвал кадетские корпуса в Слупске и Хелмне, из которых молодежь мелкой кашубской шляхты, некогда устроенная туда против воли, часто выходила настроенная на безусловное послушание и преданность Короне [Borszczykowski 1999: 44]. Благодаря этому в прусской армии появилось множество офицеров носящих до сих пор известные в Польше кашубские фамилии, преимущественно лемборско-бытовского происхождения.

Серьезным вкладом в улучшение бытовых условий кашубов была реформа, дающая крестьянам свободу и собственность в виде, как правило, весьма больших хозяйств. Эта реформа была результатом, в том числе, французской революции и наполеоновских завоеваний первой половины XIX века. Кашубско-поморский крестьянин, став хозяином самому себе и своей собственности, стал значительно лояльнее к прусскому королю [Kwaśniewska 2009: 334]. Благодаря обязательной военной службе и свободе перемещения кашубы смогли бывать в других частях Пруссии, откуда привозили в родные регионы всевозможные инновационные приспособления облегчавшие быт. Не смотря на все это кашубы, жившие на Западном Поморье, все же чувствовали, что отличаются от немцев сильнее, чем восточно-поморские

кашубы от поляков, основной причиной этого, вероятно, была принадлежность к католической церкви.

К концу XIX в. лояльное отношение западных кашубов к немецкому правительству уже не было столь ярко выраженным в связи репрессиями Отто Бисмарка. Результатом этого также стала активная эмиграция польского и, в том числе, кашубского населения в Северную Америку, куда к 1886 году выехало около 3,3 тысяч человек. На данный момент популяция кашубов сохранилась в Канаде. Эта группа потомков эмигрантов до сих пор владеет кашубским языком, который, конечно же, существенно отличается от современного кашубского языка в Польше, поскольку там язык испытал большое влияние английского, в результате чего речь канадских кашубов пестрит англицизмами. Кроме того там язык в течение более полутора веков развивался обособленно от «исходного» языка [Ickiewicz 1981].

В конце XIX – начале XX веков стихией кашубов оставалось морское рыболовство. Росла роль кашубов в польском национальном движении: кашубов стали считать настоящими защитниками и хозяевами польского приморья. Проблема «Кем считать кашубов – поляками, немцами или же отдельным народом?» возбуждала интерес и споры среди ученых и политиков [Kwaśniewska 2009: 120]. Научная, культурная и политическая деятельность поляков, как и усилия и достижения самих кашубов, привели к тому, что молодая интеллигенция стала все больше культивировать идеи Ф. Цейновы и продолжать работу И. Дердовского. Сначала А. Майковски начал в 1905 г. выпускать приложение к «Гданьской Газете» под названием „Družba” [Obracht-Prondzyński 2004: 225]. В 1907 году силами Я. Карновского был создан кружок «Кашубологов», а с 1908 г. А. Майковский в Костежине начал издавать первый в Западной Пруссии социокультурный и политический журнал „Gryf” на польском и кашубском языках. Все эти события привели к созданию объединяющего интеллигенцию движения, названного «младокашубским» под девизом «что кашубское – то польское». Движение имело своей целью возрождение исконной культуры кашубов в

рамках польского народа, а также экономическое и политическое развитие Кашубии. «Содружество Младкашубов» продолжая идеи Цейновы и Дердовского, создавали кашубско-поморское движение, существование которого было направлено на региональную общность кашубов и поморья. Главным достижением младокашубов помимо издания «Gryf» можно считать Кашубско-Поморскую Библиотеку и Музей в Сопоте, а также создание кашубской письменности и выведение кашубского вопроса на европейский форум [Obracht-Prondzyński 2008: 302]. Деятельность младокашубов возбуждала отторжение не только среди немцев-германизаторов, но и большей части польского народного движения в Западной Пруссии.

В период Первой Мировой Войны как поляки, так и кашубы продолжали верить в возрождение польского государства, что и произошло в 1918 году, в результате чего кашубы попали в новую для себя действительность. Кашубы были хоть и рады присоединению к восстановившей независимость Польше, однако также чувствовали, что оказались в трех различных государственных организациях, частично враждебных по отношению друг к другу. Имело место разочарование позицией окружения, кашубы чувствовали с польской стороны неоченность вклада младокашубов в борьбу за независимость Польши [Borszczkowski 2010: 156].

В результате новых разделов и появления новых границ были прерваны экономические связи и возможности заработка в прежде великом и развитом немецком государстве. Со стороны же поляков кашубы нередко ощущали пренебрежение и высокомерное отношение к народности, говорящей на отличающемся языке [Borzyszowski 2015: 65]. Кашубов не допускали в проведение новой сельскохозяйственной реформы, работе в строящейся Гдыне, где только те из кашубов, что владели землей, имели возможность стать состоятельными.

В двадцатилетний перерыв между Первой и Второй Мировыми Войнами на Поморье существовало большое количество гражданских организационных структур. Уровень жизни и культуры, не смотря на безработицу и прочие недостатки, там был выше, нежели в соседних регионах Польши [Obracht-Prondzyński 2009: 17]. В польских университетах, формировались студенческие организации, среди которых наиболее значимыми были, например, «Pomerania» в Познани и «Cassubia» в Варшаве. Развитие культуры и науки на Поморье явилось причиной включения кашубов в исследования, проводимые Балтийским Институтом, который сначала базировался в Торунни, а после был перенесен в Гдыню. Визитной карточкой этого института можно считать работу трех авторов «Кашубы. Культура и язык», под редакцией Юзефа Боровика.

Среди множества организаций на Поморье, охватывающих также кашубов, выделялась Поморская ветвь Польского Радио в Торунни, поддерживаемая торуньским союзом почитателей кашубского языка «Stanica». Развитию кашубской культуры и литературы помогали кашубские местные общества и издаваемая ими пресса. На флагах большинства поморских организаций красовались грифы как символ кашубов, или иногда узор традиционной кашубской вышивки [Obracht-Prondzyński 2002: 196]. Это символическое присутствие кашубов можно также заметить в живописи и музыке. Главным представителем кашубских скульпторов можно назвать Мариана Мокву, и Казимежа Ясноха, а музыку, основанную на народных кашубских мотивах, создавал Феликс Нововойски, автор мелодии кашубского гимна и оперы «Легенда Балтики».

Начало второй Мировой Войны явилось причиной спланированного и организованного массовое истребление населения в Гданьске. В первые же недели и месяцы жертвой пали выдающиеся деятели кашубской культуры, которые очевидно не поддавались и не поддавались бы и дальше политике германизации. Осенью 1939 года на Поморье появлялись первые концентрационные лагеря, направленные на истребление поляков, кашубов и

других наций, в том числе евреев. Кладбище в Пяснице уже тогда стало главным памятником Кашубии, символом отрицания всего немецкого. Очевидно, что некоторые кашубы во Вторую Мировую Войну сражались на стороне немецкого Вермахта, были также люди, оптимистично настроенные на перспективу немецкой власти, были те, что отрицали большевизм и все российское.

Участие кашубов в движении сопротивления в военные годы было массовым. Принуждаемые к службе в Вермахте кашубы часто дезертировали и переходили к городским партизанам и в польскую армию на западе и востоке [Mastalerz-Krystjańczuk 2003: 220]. В Великобритании создавались организации, как то «Поморский Союз», ставившие своей целью включение всего Поморья в состав Польши, но они и представить не могли, чем на самом деле закончится эта война. Итогом было массовое выселение, которое полностью изменило этническую структуру Поморья и ситуацию для кашубов. В последние периоды Войны молодых кашубов, преимущественно участников движения сопротивления, также переселяли на Российские территории за Урал в Сибирь, откуда многие не вернулись.

Дальнейшую судьбу Гданьска, кашубов, мигрирующих на Западное Поморье после войны поляков, изгоняемых за Одру немцев, описал в своих произведениях немецкий писатель Гюнтер Грасс, гордящийся своим кашубским происхождением. Кашубы, приезжающие в Гданьск или же города и деревни Западного Поморья, легко контактировали с немногочисленным автохтонным населением или оставшимися на тех землях немцами, они не чувствовали себя чужими на этой земле. В новообразованной Польской Народной Республике кашубы, все же воспринимаемые как автохтоны, часто были дискриминируемы со стороны новых властей, поскольку сторонников коммунизма среди кашубов было ничтожно мало [Mastalerz-Krystjańczuk 2003: 199].

В послевоенные годы кашубы принимали активное участие в развитии гражданских структур в новом, казалось бы, демократическом строе. В 1946 году в Вейхерове состоялся Первый Кашубский Конгресс, главным вопросом которого было периодическое издание «*Zrzesz Kaszebsko*», поддерживаемое на тот момент муниципальными властями. Также упоминалось о необходимости допуска кашубов на должности в администрации, помощь германизированным кашубам в развитии кашубского языка. Немного позже в том же году в Щецине по инициативе властей был созван Конгресс Кашубов-Поляков-Автохтонов всего Западного Поморья с целью манифестации прав поляков на эти земли в силу присутствия на них с давних времен.

Современные польские историки, изучающие кашубский вопрос, разделяют мнение о том, что в то время коммунизм стал доминировать над действительностью Поморья и Польши, что означало несбыточность мечты о демократии, гражданской свободе, развитии кашубского языка и регионального сообщества. Бывшие немецкие имения перешли во владение государства, на Поморье были переселены также представители других наций социалистического лагеря, крестьян стали принуждать к коллективизации. Считается, что последнее действие, как и попытки на государственном уровне ослабить влияние церкви на население, не возымело успеха, благодаря сопротивлению кашубской нации. Цитируя подобные мнения, стоит помнить о том, что историей кашубов занимаются чаще всего ученые, чувствующие причастность к этому народу, что в результате проявляется в виде заинтересованности автора таких трудов. Таким образом, подобные факты не стоит воспринимать как стопроцентно подлинные, а, скорее, как один из возможных вариантов событий.

Развитие просвещения и промышленности явилось одной из причин, по которой региональное движение не исчезло, напротив, в Картузах был открыт Кашубский Музей, в котором огромный интерес у посетителей вызывали фольклор и зачатки народной культуры кашубов [Obracht-Prondzyński 2008: 66].

В 1956 г. было создано сообщество «Zrzeszenie Kaszubskie», в котором сосредоточились все активные фигуры кашубского движения, связанные с различными политическими течениями в межвоенный и послевоенный периоды. Предводителем группы стал писатель Лех Бадковский, лидер Поморского Союза в Великобритании. Поистине важным в истории кашубов событием того времени стала манифестация кашубов, сопровождающая открытие восстановленного памятника И. Дердовского в Веле. Коммунистические власти, тем не менее, видели опасность в такого рода сообществах, поэтому некоторые деятели подвергались преследованиям. Несмотря на это, деятельность сообщества продолжалась. В 1964 г. «Zrzeszenie Kaszubskie», приняв в свои ряды группу деятелей угасающего сообщества под названием «Zrzeszenie Kociewskie», объединявшее уроженцев соседнего с Кашубией региона, сменило название на «Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie», охватив, таким образом, все Поморье. Важна была также открытость сообщества для интеллигенции, литераторов и ученых, людей причастных с давних времен к кашубской традиции в частности и поморской в целом. В тот момент была разработана новая формула регионального движения, акцентирующая значение принципов демократии и идей самоуправления. Популярность такой идеологии проявлялась в объемах издания художественной и научной литературы, инициативах создания Кашубского Этнографического Музея во Вдзыдзах и т. п.

II Кашубский Конгресс прошел в Гданьске только в 1992 г., уже в государстве с другим строем. С 1991 года «Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie» сотрудничает со многими подобными организациями по всей Европе, а также является членом Федеративного Союза Европейских Этнических Групп. В 1993 году в Гданьске открыт «Кашубский Дом», а в 1996 – Кашубский Институт. В сфере культуры и просвещения на момент конца 90-х годов ситуация также выглядела весьма оптимистично: возросло количество школ с преподаванием кашубского языка и на кашубском языке, появилась локальная печатная пресса, частично или полностью написанная на

кашубском языке, кашубский язык также вошел в сферу религии и высшего образования.

После вступления Польши в Европейский союз в 2005 году этнические меньшинства были окружены большей заботой со стороны государства. Из бюджета как Польши, так и Европейского союза выделяются средства на продвижение и популяризацию кашубской культуры, среди представителей данной этнической группы, например, проведение фестивалей и мероприятий. Кашубский язык стал одним из предметов, не только изучаемых в школе, но и возможных для выбора на выпускной экзамен [Matura], а также был открыт набор по программе высшего образования первой ступени в Гданьском Университете [Gdańsk 2016]. Все эти события можно привязать к признанию кашубскому языку официального статуса регионального языка [Zieniukowa 2009: 262]. При этом кашубы в законодательстве Польши значатся исключительно как «группа, использующая региональный язык».

Такое краткое изложение фактов истории кашубского народа должно сделать более ясным положение и форму, в которой сейчас находится исследуемый язык, о чем речь пойдет в следующем параграфе. Однако уже сейчас можно сделать выводы о непременном наличии в кашубском языке большого количества германизмов и полонизмов, а также понять, что билингвизм кашубов - явление с историей не в один век.

§ 1.2. История развития и изучения кашубского языка

В настоящей главе перед нами стоит задача описать историю как народа, так и языка, как такового. В контексте поиска места языка в ряду родственных ему это важно для понимания того, каким образом именно на этом месте оказался исследуемый язык. В предыдущем параграфе уже была дана справка о том, например, как изменялись границы государств в ареале расселения носителей кашубского языка. В данном параграфе мы попробуем

предположить, каким образом события истории народа повлияли на развитие языка и привели к его современному состоянию.

Итак, согласно мнениям наиболее выдающихся современных кашубистов, период «монолингвизма» кашубов закончился примерно на границе тысячелетий. Племена западных славян, особенно лехитской языковой группы распределялись географически таким образом: полабяне занимали западные территории, поляне восточные, кашубы жили на побережье балтийского моря и были связаны с полабьянам [Obracht-Prondzyński 2007: 57]. Остается открытым и вопрос связи кашубов с балтами, например, с прусами во времена Святополка. С конца X до начала XIV вв. Западное Поморье без особого насилия подвергалось методичной германизации. На Восточном же Поморье были не менее сильны влияния католической церкви, там также существовала польская администрация. В бытовых контактах, предположительно, использовались диалекты кашубского языка более близкие к полабскому, в официальных же ситуациях превалировал польский язык, тот его вариант, который считается предком современного общепольского языка. Билингвизм тех времен был не так распространен и обуславливался частотой славянско-немецких контактов. О двуязычии же славянско-славянском судить трудно, поскольку и польский язык того времени, представленный, например, в Свентокшиских Проповедях, не был еще однороден [Porowska-Taborska 1980: 34]. В следующие полтора столетия кашубы находились под властью Ордена Крестоносцев, которые также получили власть над теми землями мирным путем, однако немецкие законы запрещали принятие славян, а соответственно в их числе кашубов, на должности в городской администрации, что означало возможность развития кашубского языка только в сельской местности. Власть Крестоносцев также существенно замедлила полонизацию кашубов, источники которой остались только в религиозной сфере жизни, но не в образовании. Г. Лабуда пишет, что в средневековье названия «венед» и «кашуб» имели негативные коннотации в

речи немцев, поэтому кашубы, все еще помня о своем происхождении, неохотно признавались в нем окружающим [Szultka 1993: 172]. Под конец же средневековья единственной прослойкой общества, сохранявшей язык, остался сельский контингент, в то время как Западное Поморье подверглось германизации. На Восточном Поморье славянскую общность сохраняла католическая церковь. В самом кашубском языке в этот период стали происходить существенные лексические трансформации, в том числе в результате атрофированной лексики в общепольском языке. Однако эти процессы были существенно замедлены на периферии, где язык, в том числе в лексическом плане, как правило, более консервативен. В фонетике стало ярче выражаться так называемое «кашубение» [Popowska-Taborska 1980: 79].

С XV и почти до конца XVIII века после победы под Грюнвальдом и возвращения Поморья в границы польского государства кашубы стали подвергаться более интенсивной полонизации, хотя в западных частях все еще сильна была политика германизации. Кашубы чувствовали себя членами польского общества, но по-прежнему язык этого народа существовал практически только в сельской местности и никоим образом не допускался в школу и церковь. В хрониках середины XVI века находим информацию о том, что использование любого славянского языка, даже на рынке при покупках у славян, грозило штрафом, а «венедом» или «славянином» немцы могли называть друг друга с целью оскорбления. С. Корфей утверждал, что в средневековье имели место попытки использовать кашубский язык в протестантских службах, однако, они не увенчались успехом из-за слишком сильного навязывания немецкого языка и культуры [Szultka 1993: 111]. Считается, что с середины XVII в. протестантские власти под политическим натиском методично избавлялись от всяческих проявлений славяноязычия в церкви и школе, что к середине XIX века возымело успех. Кашубский язык в большей мере сохранился в влоцлавском диоцезе. Обрядовым языком была латынь, а административным – польский, что не уничтожило разговорного

кашубского языка, который, тем не менее, продолжал обогащаться заимствованной из латыни лексикой.

Письменные памятники (переведенные Крофеем в 1586 г.) зафиксировали более менее регулярные кашубско-словинские альтернации, например, так называемое кашубение «s, z, c, dz, вместо ś, ź, ć, dź». Сужение e>i/u и т.д. [Popowska-Taborska 1986: 336] С конца XVIII до начала XX века в период прусской оккупации Поморья существовала немецкая администрация, но церковные условия на западе и востоке: немец (и германизированный кашуба) – протестант, а кашуб (в том числе полонизированный) – католик. С течением времени в этот полуторавековой период тем более распространено было дву-, а то и трёхязычие, люди владели кашубским и немецким или/и польским. И. Бернулли в мемуарах о своем путешествии 1777-1778 годов по Пруссии, России и Польше, упоминал о существовании «малого народа, который обладает собственным языком, на котором печатают книги и читают проповеди в церкви. Кашубы хорошо понимают поляков, а вот полякам затруднительно понимать кашубский язык». Письма пастора Г. Л. Лорка к К. С. Мронговюшу от 1862 года фиксируют следующие факты: кашубский язык не имеет грамматического строя и бесполезен для абстрактных понятий, например религиозных, а кашубы при этом не понимают высокого польского языка Библии или проповедей, в которых чаще угадывают содержание, создавая, таким образом, ложные представления, которые ведут этот народ к прозябанию в невежестве и примитивизме [Popowska-Taborska 1986: 280]. Неутешительные факты в своих исследованиях указывает Гильфердинг: «Славяне вымирают также и на территориях расположенных над балтийским морем... там германизация славян считается борьбой цивилизации с варварством».

Кашубский язык продолжал отдаляться от польского, к новым языковым различиям относятся аффрикатизация мягких заднеязычных k', g'>ć, dź//cz, dź; чередование ł>l, депалатализация ń, два последних процесса могли быть результатом влияния немецкого языка. Системных различий

было уже достаточно много, даже при учете продолжающегося процесса полонизации [Treder 2005: 255].

Около 1850 года Ф. Цейнова начинает формирование литературного кашубского языка. Поначалу результаты таких попыток были незначительны и встречали сопротивление в первую очередь у самих кашубов. В период межвоенного двадцатилетия на Западном Поморье начинает доминировать немецкий язык, и даже падает уровень билингвизма [Treder 57]. В окрестностях Гданьска, напротив, доминирует польская администрация и католическая церковь. Диалекты кашубского языка тем временем демонстрируют стойкость и большую дифференциацию между собой, что продемонстрировали исследования Ф. Лоренца. Это разнообразие препятствовало развитию усредненного кашубского литературного языка, который в то время все же проходил через очередные этапы своего развития от младокашубского языка Майковского через «Приключения Ремуса» (1938) [Obracht-Prondzyński 2007: 122]. В период II Мировой войны, то есть гитлеровской оккупации, кашубский язык как вариация польского становится причиной репрессий, а после 1945 года вся территория расселения кашубов оказалась в границах Польши, что означало особенно усиленную полонизацию, кашубский язык даже отождествляли с немецким. Это означало увеличение количества полонизмов в кашубском и конец периода „трехъязычия” кашубов [Ермола 1983: 19]. Более того, билингвизм представителей кашубского народа также идет на спад, побеждает польский язык, а кашубским владеют скорее пассивно. С середины XX века по сей день существуют общественные организации, занимающиеся, в том числе, и вопросами сохранения языка.

Оглядываясь на историю развития кашубского языка в целом, можно констатировать пренебрежение как к кашубскому народу, так и к его языку в частности, которое только крепло с XV века. Е. Тредер предполагает, что, в отсутствие насильственных влияний польского языка, сейчас кашубский мог

бы отличаться от польского в значительно большей степени, по крайней мере в фонетическом аспекте [Treder 57].

Литературный кашубский язык формировался и продолжает формироваться на основе исторических диалектов поморья. Их разнообразие и отсутствие унифицированной формы внутри каждого из них существенно затрудняет и ограничивает темп процесса стандартизации, помимо этого есть также тенденция к сохранению языковых различий для защиты национальной самобытности. Не фокусируясь на вопросе статуса языка, стоит все же вспомнить о существовании кашубской письменности со времен Ф. Цейновы, а также попытки записи кашубской речи в XVI-XVIII вв [Szultka 1994: 256]. К первоисточникам литературного кашубского языка можно отнести пастора С. Крофея, переведившего с немецкого языка псалтырь в середине XVI века, пастора М. Понтануса, составившего для славянского населения Малый Катехизис в середине XVII века. Не стоит опускать тот факт, что существует теория, согласно которой эти памятники письменности представляют пример скорее польского языка того времени, в его северном варианте с большим количеством черт кашубского. На территории Гданьского поморья кашубская элита (напр. Дердовский, Майковский) уже более 150 лет, старается развивать письменный кашубский язык в условиях доминирования государственного польского языка и большей привлекательности польской культуры [Ермола 1983: 97].

Первопроходцем в попытках оценить кашубскую письменность был С. Рамулт, он писал о том, что Ф. Цейнова и И. Дердовски писали на разных диалектах, последний при этом использовал польскую графику, которая не передавала всех фонетических особенностей кашубского языка, и в целом использовал множество полонизмов как лексических, так и синтаксических, что делало язык его произведений в большей мере «кашубско-польской мешаниной». К подобному выводу приходит и К. Нитш, исследовавший один из диалектов кашубского языка в начале XX века.

Самые фундаментальные труды на тему литературного кашубского языка принадлежат Ф. Лоренцу, который с самого момента возникновения научного интереса в конце XIX в. ориентировался в двойственной языковой ситуации в Кашубии, то есть сильной дифференциации между устной речью кашубов, языком древних письменных памятников и новообразовавшейся письменностью Цейновы и Дердовского [Treder 2005: 134]. Лоренц также сделал огромный вклад в создание литературного языка, подготавливая к печати, рецензируя и издавая, а после издания продвигая произведения Будзиша, Билота и Патока.

Множество внимания посвятил литературному кашубскому языку Й. Карновский, который также видел главное препятствие на пути к формированию усредненного варианта языка в многообразии его диалектов и отсутствии нормативного письма [Breza 1991: 99]. Его мнения не разделяли ни Александр Майковский, считавший создание такой формы языка возможной, ни К. Кантак, утверждавший необходимость искусственного ускорения развития литературного кашубского языка, основанной на «северном наречии», с добавлением лексики из старых текстов и заимствований из других славянских языков, кроме польского [Szultka 1994: 194].

Среди современных ученых, внесших немалый вклад в исследования кашубского языка, нельзя не упомянуть Х. Поповскую-Таборскую, которая подвергла глубокому анализу язык произведений Дердовского, особенно в вопросе фонетики. Э. Бреза много писал о неологизмах в кашубской литературе. Безусловно существенным был вклад Е. Тредера в исследование кашубского языка. Не одну работу этот ученый посвятил языку Майковского, придя в итоге к выводу, что в эволюции литературного кашубского языка со времен Цейновы начинаются качественные изменения, перелом которых наступает в «Приключениях Ремуса», что до сих пор имеет плодотворное влияние на современных писателей, в частности переводящих с польского на кашубский Библию Э. Голомба и «Крымские Сонеты» Мицкевича С. Янкы.

В девяностые годы XX века кашубский язык, приобрел статус собственно языка, а до этого момента он считался всеми польскими учеными диалектом польского языка [Ананьева 1994: 302]. В настоящий момент открыт вопрос престижа кашубского языка в обществе как самих кашубов, так и поляков. Над этим вопросом работает кашубская интеллигенция в лице в первую очередь организации «Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie», путем введения языка в школы, СМИ, церковь, издательское дело и продвижения кашубской литературы, в том числе священного писания, а также словарей [Mordawski 2005: 171]. Все эти действия можно назвать внутренними социолингвистическими мерами, принимаемыми по внутренней инициативе кашубского общества. В январе 2005 года был издан «Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке», который явился первым в истории случаем юридической защиты кашубского языка [Nasze Kaszuby]. Этот закон дал новые возможности для развития языка, которыми незамедлительно начали пользоваться организации, имеющие своей целью развитие и продвижение кашубского языка и культуры. В первую очередь Совет Кашубско-Поморского Союза принял «стратегию защиты и развития кашубского языка и культуры», одной из целей которой был созыв «Совета Кашубского Языка». Совет был создан в 2006 году, его задачей был мониторинг развития языка и унификация профессиональной терминологии и т. п. Благодаря «Закону...» с 2006 года кашубское общество получает финансовую поддержку от Министерства Внутренних Дел и администрации на действия направленные на защиту, продвижение, развитие и распространение кашубского языка [Obracht-Prondzyński 2006: 318]. Таким образом, из бюджета спонсируются радиостанция «Kaszëbë» [Radio Kaszebe], издание учебников и художественной литературы на кашубском языке, организация конкурсов и фестивалей и многое другое.

Другое проявление действия «Закона...» - это факт, что в районах, где согласно данным последних переписей количество кашубов превышает 20% населения, кашубский язык может быть использован в качестве

«вспомогательного», для чего организуются курсы языка для сотрудников органов местной администрации, финансируемые на 75% из источников Европейского Союза [Nasze Kaszuby].

Введение языка в систему школьного образования в равной степени важно и сложно. Сохранение языка можно продлить, преподавая его в средней школе. В случае, когда ослабевает процесс естественного наследования языка младшим поколением, и дети часто владеют им лишь пассивно, а между собой общаются на другом языке, миноритарный язык обречен на смерть в течение двух-трех поколений, и рискует сохраниться только в среде самой глубокой провинции, либо среди идеологически мотивированных деятелей [Obracht-Prondzyński 2006: 142]. Сложность же введения конкретно кашубского языка в школьное образование состояла в первую очередь в сопротивлении со стороны администрации, учителей и зачастую даже самих родителей школьников. Помимо этого существовала проблема отсутствия программ обучения, учебников, квалифицированных преподавателей. Однако самым необычным в данном случае препятствием является отсутствие кодифицированных норм орфографии. Только 13 мая 1996 года силами «Комитета По Просвещению Кашубско-Поморского Сообщества» был издан «Протокол координации принципов записи кашубского языка». Среднее образование на кашубском языке началось с 1991 года в школах в Брусах и Глодницах [Treder 2001: 31]. К 2005 году по данным государственной службы статистики кашубский язык изучали свыше 8 тысяч учеников в примерно 130 школах. В том же году впервые сдавался экзамен на аттестат зрелости по кашубскому языку. В Гданьском Университете для подготовки учителей была создана программа обучения кашубскому языку, стали издаваться различные варианты учебников для разных уровней обучения.

Пресса на кашубском языке также представлена в довольно широком ассортименте, хотя печатные издания выходят не стабильно, но кашубский язык все активнее проникает в интернет, на радио и телевидение. Газеты или

журналы на кашубском языке, как правило, имеют либо муниципальный характер, либо выходят только частично на кашубском. Так, например, ежемесячное издание „Pomerania” выходит на двух языках [Miesięcznik „Pomerania”], ежедневное издание „Dziennik Bałtycki” содержит вкладку „Norda” на кашубском языке. На местном телеканале дважды в неделю появляется тележурнал на кашубском языке, на некоторых радиостанциях с разной периодичностью выходят программы. С 2004 года существует частная радиостанция Kaszëbë с вещанием на кашубском языке [Mordawski 2005: 252].

Изложенные в первых двух параграфах факты в совокупности приводят к нескольким логическим выводам и проясняют причины современной языковой ситуации кашубского языка. Практически весь период, начиная с первого упоминания в летописях и по сегодняшний день, носители кашубского языка существуют в условиях билингвизма, подавления их языка и т. п. Сохранение языка в таких условиях вызывает глубокое уважение к его носителям. Наиболее яркими особенностями кашубского языка можно считать обилие диалектов на такой небольшой территории, и весьма позднюю кодификацию. В настоящий момент кашубский язык, казалось бы, имеет множество условий для продолжения существования, хотя, разумеется, они не идут ни в какое сравнение с условиями, существующими у государственного языка.

Глава 2. Социолингвистические методы исследования языков малых народов

Первая ассоциация с упоминанием кашубской проблематики, вероятно, у множества хоть немного знакомых с ней, будет вопрос «язык-диалект». Этой теме посвящено немало работ, и стоило бы вспомнить об истоках данной проблемы. Современником и непосредственным свидетелем появления польско-кашубского языкового вопроса был выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ [Романчик 2003: 120]. В своей статье «Кашубский ‘язык’, кашубский народ, и ‘кашубский вопрос’» 1897 г. автор вообще критически оценивает термин «язык», утверждая, что он уместен только в отношении искусственного литературного языка, такого как польский. Относительно кашубского же Бодуэн предлагает «...употреблять выражение языковая область, языковая территория, т. е. область или территория, которой свойственны такие-то и такие-то языковые особенности» [Бодуэн 1897: 98].

Второй яркий, требующий упоминания в контексте настоящей работы, эпизод в полуторавековой дискуссии о статусе кашубского языка и его отношении с польским – это монография А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки» 1981 года. Кашубский язык оказался вписанным в принципиально новый контекст — контекст славянских микроязыков. С этой работы началась новая волна научного интереса к кашубскому языку: сама возможность рассмотрения «кашубского феномена» в типологическом аспекте вывела его за узкие рамки полонистики [Романчик 2003: 125].

Сама проблема «язык-диалект» до сих пор не имеет однозначного решения, для различения языка и диалекта помимо сугубо лингвистических учитываются этнические, социальные и правовые критерии [Касаткин 2005: 206]. В разрешение вопроса о статусе идиома также часто вмешивается политический фактор, о чем уместно вспомнить афоризм языковеда Макса Вайнрайха: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот» (то есть,

который может заставить считать себя языком) [Вахтин 2004: 46]. Поэтому представляется целесообразным не ставить в данной работе недостижимых на этом уровне целей и просто принять одну из точек зрения по кашубскому вопросу. Мы будем руководствоваться в первую очередь авторитетным мнением, а именно классификацией, предложенной А. Д. Дуличенко, а также правовым критерием, ведь, согласно законодательству республики Польша, кашубский язык имеет статус регионального *языка* с 2005 года [Ustawa 2005].

Сформулированные в работе задачи требуют основательной проработки теоретического материала по социолингвистическим методам описания и исследования языков.

Вопрос места языка в ряду родственных ему языков можно назвать актуальным для любого языка, однако в случае такого дискуссионного элемента, как кашубский язык, кажется правильным рассмотреть его в сопоставлении на различных уровнях. Поэтому в данной работе исследуемый идиом будет рассматриваться в контексте славянских языков вообще, ближайшего (территориально и генетически) польского языка и славянских литературных микроязыков, одним из которых кашубский и является. Во избежание пробелов в данной теме следует дать краткое представление понятия литературного микроязыка и связанных с ним признаков.

А. Д. Дуличенко в своей монографии выделяет 18 славянских микроязыков, которые классифицирует по разным признакам. По географическому признаку языки делятся на автономные (к ним, хоть и с примечанием, относится кашубский), островные, периферийно-островные и периферийные. Автономность выражается и в географическом, и в этнолингвогенетическом плане, к таким языкам помимо кашубского относятся серболужицкие языки. Эта группа имеет возможности для культивирования литературных норм и расширения своего функционального спектра. Островные языки, возникающие как результат переселения в другие славянские и в неславянские земли в разное историческое время,

географически оторваны от своего этноязыкового корня. К ним относятся русинский язык, распространенный на территории бывшей Югославии, градищанско-хорватский, молизско-славянский, резьянский (хотя он и находится на приграничных территориях, но отгорожен от Словении непроходимыми горами) и банатско-болгарский языки. Перефирийно-островные языки, выдвинувшиеся за пределы основного ареала и оказавшиеся частью в ином этно-языковом окружении, островными являются только благодаря государственным границам, характеризуются сохранением отчетливых связей со своим этно-языковым корнем, ведут работу по нормированию – тем же путем, что и островные. К таким языкам относятся карпато-русинский, эгейско-македонский, помакский, венецианско-словенский. Последняя группа языков – периферийные – самая численная, к ним относятся чакавский, кайкавский, прекмурский, ляшский, восточнословацкий и западнополесский микроязыки. Эти идиомы географически прилегают к своему этноязыковому корню, сохраняют с ним четкие генетические связи, но их отдельность проявляется на культурно-языковом уровне. Эта группа менее всего нормирована, их предлагается считать полинормными.

Общее число славянских литературных микроязыков достаточно велико, поэтому анализ языковой ситуации всех сразу сделал бы соответствующий раздел слишком громоздким. Представляется целесообразным для исследования выбрать некоторые языки, наиболее близкие в плане их положения к кашубскому. Таким образом, в исследовании будут рассмотрены языки островной и автономной группы, а также карпато-русинский язык, как язык периферийно-островного характера, потому как русинские языки, хоть и характеризуются дифференцированностью, но все же имеют тесную связь и будут рассматриваться нами в качестве объединенной группы идиомов.

Такая выборка будет достаточно репрезентативной и с точки зрения генетического аспекта, в нее войдут южнославянские языки (градищанско-

хорватский, банатско-болгарский, резьянский и молизско-славянский), западнославянские (помимо кашубского серболужицкие языки) и восточнославянские (русинские) языки.

Микроязыки предлагается также классифицировать и по другим признакам, которые имеют значение в социолингвистическом исследовании. Микроязыки находятся в постоянном контакте с окружающими культурами, что порождает желание их носителей кодифицировать свой язык, однако кодификация не всегда стабильна в случае миноритарного языка. Так кодификация островных языков проходила не по всем параметрам (грамматика, лексика, орфография), а у резьянского языка, например, до 80-х гг. XX века отсутствовала единая норма.

С точки зрения контактологии, о важности которой в языковой ситуации пойдет речь в дальнейшем, славянские микроязыки находятся в зонах активных языковых контактов, что влияет на структурную и функциональную сторону языка. Объем коммуникативных функций микроязыка зависит от того, насколько лоялен к нему соседствующий макроязык. На структурную сторону языка влияние происходит немного сложнее: периферийно-островные, и островные языки, например, в обогащении своего словаря и грамматики обращаются к своим языкам-источникам, одновременно существует и стремление как можно дальше отойти, в том числе и в письменности, от своего языка-источника. Некоторые языки находятся в непосредственном гетерогенном контакте, что также неоднозначно влияет на структурную сторону языка. Обогащаясь элементами других языков, он в то же время подвергается известной деструкции, появляется «вариантность форм и дублетность лексических единиц».

В функциональном плане А. Д. Дуличенко предлагает поделить языки на функционально сильные, средней функциональности и функционально слабые. К первым относятся, прежде всего, автономные языки, с тем, что

нижнелужицкий опускается к нижней границе этой категории и постепенно переходит в разряд языков средней функциональности. Из островных функционально сильным следует считать югославо-русинский; градищанско-хорватский в известной мере располагается между функционально сильными и средней функциональности микроязыками; средней функциональности также банатско-болгарский, в то время как резьянский и молизско-славянский относятся к функционально слабым. У периферийно-островных функционально сильным является один – карпато-русинский. Эта классификация также демонстрирует разнообразие языков выбранных для сопоставительного анализа языковой ситуации.

Задача анализа языковой ситуации кашубского языка на фоне других славянских микроязыков требует пояснения понятия собственно языковой ситуации и связанных с ней категорий, признаков и классификаций. По определению Ч. Фергюсона, «термин „языковая ситуация” (language situation) относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как, сколько языков и какие языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива». Исходя из данного определения автор труда «Введение в социолингвистику» А. Д. Швейцер предлагает классификацию языковых ситуаций по количеству и характеру компонентов и функциональному распределению их в языковой общности.

По количественному признаку языковая ситуация кашубского языка будет считаться двухкомпонентной, поскольку на территории его распространения в настоящее время государственным считается другой язык, следовательно можно говорить о национальном билингвизме кашубов. Предлагается делить языковые ситуации на эндогlossные и экзогlossные, где первое подразумевает существование различных форм одного и того же языка в языковой общности, а второе – различных языков, таким образом исследуемую ситуацию верно будет отнести к экзогlossным. Третий

параметр, по которому классифицируются языковые ситуации, является менее однозначным и требует некоторого пояснения.

Понятие объема коммуникативных функций весьма важно для описания языковой ситуации. Различные языки в пределах одного государства могут выполнять одни и те же функции на разных территориях, но в случае с микроязыками вообще и кашубским в частности, они в разной мере распространены на одной этнической территории и обслуживают разное число областей социального взаимодействия. В многоязычном обществе языковая ситуация понимается как система функционально распределенных языков, имеющих «ранги» регионального, местного общения, являющихся языками элиты или широких народных масс. Функциональная нагруженность и социальный статус языка являются одним из наиболее значимых компонентов языковой ситуации [Швейцер 1978: 219]. Здесь вводятся понятия «язык-макропосредник» и «местный язык». Очевидно, что в контексте настоящего исследования макропосредником будет выступать польский язык, как официально принятое для общегосударственного общения средство языковой коммуникации. Такие термины применяются в случае, когда континуум коммуникации разделяется на неравные части, что устанавливает между языками отношения иерархичности. Например, распространенным вариантом является ситуация, когда родной язык рассматривается как язык бытового общения, а государственный – как язык всевозможных видов общения с внешним по отношению к общине миром. В результате проведенных опросов, анализ которых будет даваться в последующей главе, мы предварительно можем предположить, что между польским и кашубским языком такие отношения существуют, разделение коммуникативных функций не равномерно, и такой тип языковой ситуации считается несбалансированным. Соответственно предложенной авторитетными источниками классификации, кашубский язык находится в двухкомпонентной несбалансированной экзогlossной языковой ситуации.

При описании языковых ситуаций предлагается использовать количественные (число языков в ареале, число носителей каждого из них, число обслуживаемых ими коммуникативных областей), качественные (соотношение языков по признаку родственности) и оценочные признаки (внешние и внутренние оценки престижности, эстетичности). Совокупность оценок общностью своего языка составляет картину «языковой приверженности коллектива» [Вахтин 2004: 113]. Это понятие находится в тесной взаимосвязи с понятием коллективного выбора языка, который в свою очередь может вызвать языковой сдвиг. Это явление определяется как отказ общности от своего языка и переход на какой-либо новый, что обычно предполагает более или менее длительный период двуязычия. Неизвестно, во всех ли ситуациях стоит говорить именно об отказе, в случае кашубского речь идет скорее о вынужденной необходимости овладения доминирующим на данной территории языком, возможно именно поэтому период двуязычия длится уже более тысячи лет, как уже было упомянуто в предыдущей главе.

В контексте языкового сдвига лингвисты пользуются аналогичными терминами из области биологии, такими как «языки под угрозой исчезновения». Подобно «исчезающим видам» в биологии, языки, относящиеся к этой категории, характеризуются малой численностью носителей и под давлением более сильных видов - «языков-хищников», перестали передаваться следующим поколениям. Родители перестают считать необходимым учить детей языку, имеющему низкий престиж, а дети, в свою очередь, не имеют мотивации владеть языком, не дающим перспектив успеха, образования и т. д. Миноритарные языки часто теряют социальный престиж, что ведет к утрате сфер функционирования.

При анализе ситуации языкового сдвига также рекомендуется учитывать определенные факторы, к ним относятся: число носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка, межнациональные браки, языковая политика государства, престиж языка, наличие или отсутствие письменности. Кажется очевидным, почему

численность носителей, престиж языка, межнациональные браки и языковое воспроизводство могут иметь значение, и нет необходимости останавливаться на этих вопросах. В этой связи хотелось бы только упомянуть, что критической численностью носителей для угрозы исчезновения языка в Европе считается отметка в 20 тысяч человек. Стоит подробнее остановиться на прочих факторах, влияющих на языковую ситуацию. Например, вопрос языкового окружения: считается, что между интенсивностью контактов с другими языками и жизнеспособностью языка существует обратно пропорциональная зависимость, которая, тем не менее, не оказывает решающего влияния на языковую ситуацию в целом. Тип хозяйственной деятельности также не гарантирует однозначного конечного результата языкового сдвига. Общности, ведущие традиционную деятельность, безусловно вынуждены, во-первых осуществлять ее моноэтническими группами, во-вторых сохранять определенную терминологию, но и это не является решающим фактором. Зависимость между наличием у языка письменности и шансами языка на сохранение также является опосредованной, хотя статистически у бесписьменных языков ситуация часто более плачевная [Аврорин 1975: 50]. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает понятие языковой политики. Представляется логичным, что этот фактор оказывает наиболее мощное влияние на языковую ситуацию. Основными причинами языкового сдвига являются добровольный или вынужденный выбор носителей языка и принуждение к определенному выбору со стороны государства, что и является одним из проявлений языковой политики. Говоря о кашубском языке и принимая во внимание исторические факты описанные в первой главе настоящей работы, можно прийти к выводу, что здесь имеет место выбор (чаще вынужденный), нежели принуждение. Как уже упоминалось ранее, кашубы, живя в условиях другого доминирующего языка, не могли рассчитывать на то, чтобы, например, занять престижную должность, хотя и определенная доля принуждения имела место. В какой-то период, кашубов заставляли выслушивать

богослужения на немецком языке наряду со службами на родном. Однако действительно яркий пример принуждения со стороны государства, это школы-интернаты 50-60-х годов для детей автохтонного населения Северной Америки, в которые учеников забирали у родителей насильно. О таких фактах в истории кашубского народа речи не шло.

Учитывая значимость языковой политики для сохранения языка, следует рассмотреть это понятие и его проявления более подробно. Само понятие «языковая политика» часто ставят в синонимичный ряд с терминами «языковое планирование» и «языковое строительство», которые целесообразно четко разграничивать. Под языковой политикой мы понимаем совокупность мер, принимаемых государством или общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм [Швейцер 1978: 90]. Языковая политика осуществляется государством и является одним из социальных факторов, оказывающих влияние на функционирование и развитие языков в государстве. Так, например, объем частных коммуникативных функций языка, о значимости которого говорилось выше, зависит от наличия или отсутствия у данного народа собственной государственности, национальной политики в многонациональном государстве и прочих внешних факторов [Швейцер 1978: 253]. Языковая политика может быть централизованной, то есть проводимой государственными структурами, и децентрализованной, осуществляемой местными органами власти, не имеющей силы за пределами региона, к этому же понятию относится языковая политика, проводимая общественными организациями и научными обществами. В случае с кашубским языком можно говорить обо всех выше перечисленных видах воздействия на язык, поскольку «Закон о... региональном языке» принимался центральными органами власти, вопросами проведения культурных мероприятий в регионе расселения занимаются, скорее, муниципальные

власти, а ангажированностью в науку в данной области определенно заведуют научные общества и общественные организации.

Ситуация языкового сдвига есть проявление выбора языка для тех или иных коммуникативных целей, именно с ним прежде всего имеет дело языковая политика. Программы языковой политики составляются для решения языковых проблем, возникающих в том или ином обществе. В частности, относящихся к распределению языковых образований по сферам общения (официальная, бытовая, СМИ, религия, литература, и т. п.). Здесь необходимо упомянуть о таком понятии, как языковое планирование, которое по сути является осуществлением языковой политики. Языковое планирование по признаку субъекта делится на государственное и индивидуальное. Примером государственного языкового планирования будет служить действия «Совета Кашубского Языка» Кашубско-Поморского Союза по унификации профессиональной терминологии на кашубском. Индивидуальное языковое планирование – это действия осуществляемые отдельными личностями, к таким можно отнести попытки создания кашубской письменности Ф. Цейновой и Х. Дердовским. При государственном языковом планировании кроме актуальных языковых проблем и общей политической установки, учитываются и другие экстралингвистические мотивы: интересы этнических объединений, цели в области культуры, идеологические и религиозные соображения. Можно утверждать, что Польша в настоящий момент осуществляет в отношении кашубского языка ретроспективную языковую политику, то есть направленную на сохранение текущей языковой ситуации.

В условиях национального билингвизма имеет значение также существование языка в системе образования, что не всегда является компонентом языковой политики. Это происходит потому, что существует множество аргументов как за, так и против этого явления. В пользу преподавания на миноритарных языках приводится то, что родной язык – лучший инструмент преподавания, и поможет добиться ученику бóльших

успехов в обучении, образование же на неродном языке может вызвать заторможенность умственных способностей. Образование на родном языке является обязательным условием полноценного развития личности и может помочь смягчить культурный шок от попадания в школу. Также образование на миноритарном языке должно препятствовать лингвистической ассимиляции и помочь установить равные отношения между этническими меньшинствами и обществом. Против введения миноритарных языков в систему образования приводятся такие аргументы, как невозможность достичь социального единства и единой культурной идентичности в условиях преподавания на различных языках. Только образование на государственном языке даст в будущем перспективы экономического благополучия. Вероятно, именно поэтому иногда сами родители бывают против получения их детьми образования на национальном языке. Кроме того обеспечение образования на различных языках слишком накладно для государства. Так или иначе, каждая страна решает вопрос образования на миноритарных языках по своему, одни более категоричными методами, другие находят компромиссные варианты, хотя и они не в состоянии удовлетворить всех.

Резюмируя описание аспектов языковой политики, следует помнить, однако, что государство склонно поддерживать больше государственный язык, а в мире на свыше шести тысяч существующих языков приходится менее двух сотен государств, при этом английский, французский, португальский и испанский языки являются государственными в около ста странах в сумме. Таким образом, под угрозой вымирания находится подавляющее число существующих ныне языков. В этой связи нельзя не вспомнить вывод М. Краусса, о том, насколько большее количество средств и сил человечество вкладывает в сохранение исчезающих биологических видов, процент которых не идет ни в какое сравнение с процентом вымирающих языков: «Следует серьезно пересмотреть наши приоритеты, иначе лингвистика войдет в историю как единственная наука, проморгавшая

исчезновение 90% того объекта, который она призвана изучать» [Krauss 1992: 42].

Существенным критерием в оценке языковой ситуации является ее субъективный аспект, то есть языковые установки членов общности, на их отношение к языковым образованиям, функционирующим на данной территории [Швейцер 1978: 106]. Предметная область социолингвистики, изучающая отношение к языку, разделяется на два направления. Одно нацелено на буквальное выяснение отношения к языку прямым вопросом «нравится ли Вам этот язык?» Другое понимает отношение к языку, как отношение к говорящему на нем, такое отношение обычно социально обусловлено. Определение отношения к миноритарным языкам производится через такие вопросы как: «Поддерживать ли такие языки, терпеть их или подавлять? Использовать ли их в управлении и образовании?» и т.п.» Для определения отношения к языку национального меньшинства гражданами Польши и самими носителями этого языка нами было принято решение задействовать прямые методики сбора данных, то есть анкетирование. Изучение отношения к языку дает возможность понимания, в том числе и социальной роли языка [Вахтин 2004: 328].

Следует сразу отметить, что современная реальность и собственно уровень данного исследования не полностью соответствуют той реальности и уровню исследований, для которых существуют описанные методики социолингвистического анкетирования. В первую очередь, доступные источники литературы являются руководством для «классического» опрашивания людей, когда интервьюер находится в личном контакте с респондентом, например, заполняет анкету, задавая вопросы устно, или же просто передает бумажный бланк опроса «лично в руки» потенциальному информанту. В случае настоящего исследования опросы проводились с помощью онлайн форм, то есть, дистанционно, что не давало возможности контролировать факт заполнения анкеты, а соответственно и количество заполнений. Также, чрезвычайно важной является выборка, к проблеме

которой в реальных социолингвистических исследованиях часто подходят небрежно [Беликов 2001: 188]. В нашем случае выборка респондентов была ограничена контактами автора данной работы в социальной сети, и отличается от генеральной совокупности, что препятствовало расширению разнообразия по значимым социальным признакам информантов, которое обеспечило бы большую репрезентативность результатов.

Из научной литературы по социолингвистике были почерпнуты ценные рекомендации по составлению анкет, которым мы, по мере возможности, следовали при создании вопросов. Таким образом, было принято решение ввести в опрос паспортный блок, предназначенный для выявления социальных характеристик информантов. Вопросы паспортной группы должны представлять значимые в контексте исследования социальные признаки информантов. Так в анкете, составленной для настоящего исследования, оказались вопросы о возрасте, образовании, роде занятий (или специализации), месте рождения и месте проживания респондентов. Вопросы паспортной группы задаются исключительно в целях последующей разработки по соответствующим рубрикам, и именно этим задачам должна быть подчинена их формулировка [Беликов 2001: 88]. В нашей анкете эти данные делают возможным прослеживание существующих взаимозависимостей между ответами респондентов и их характеристиками. Например, большее количество осведомлённости о языке ожидается увидеть у людей с филологическим или лингвистическим образованием, в случае выявления такого факта, можно будет наряду с общей статистикой привести закономерность, касающуюся только лиц, чей род деятельности не подразумевает наличия специальных знаний. Вопросы о географической привязке респондентов должны были представить охват территорий, среди жителей которых производилось анкетирование, чтобы представлять себе степень репрезентативности результатов.

Все вопросы паспортного блока, кроме образования, были открытыми. Считается, что наличие в анкете открытых вопросов возможно лишь, когда

исследователь заранее представляет, к каким категориям они будут сведены, а формулирование всех возможных вариантов в самой анкете было бы слишком громоздким [Беликов 2001: 236]. По признаку настоящего или прошлого места жительства предполагалось оценивать респондентов как представителей того или иного воеводства, и с точки зрения тенденции к смене места жительства. Логично, что все вопросы, включенные в анкету, должны пониматься однозначно. Если какие-то вопросы или предлагаемые варианты ответов могут вызвать неполное понимание или различные толкования, необходимы ясные комментарии [Беликов 2001: 238]. К сожалению, даже уточнение в вопросе о месте рождения и проживания, добавленное после проведения пилотного анкетирования не повлияло на появление в этой секции таких ответов как «Польша» или «деревня». Однако, дефектность определенного процента анкет неизбежна [Беликов 2001: 230]. К счастью, респондентов, которые не дали более точного ответа ни на один из двух вопросов этой категории было менее 5% в каждой из двух анкет.

В учебнике по социалингвистике для студентов и аспирантов филологов В.И. Беликова находим следующее предостережение: «... избегать вопросов сложной структуры, ответы на которые располагаются в двух плоскостях. Так, иногда вопросу о степени владения языком предлагается набор альтернатив следующего типа: Владею в совершенстве; Свободно говорю, но не пишу и не читаю; Говорю с затруднениями; Понимаю общий смысл сказанного; Понимаю и воспроизвожу этикетные фразы; Не владею языком. Здесь смешиваются языковая компетенция и владение письменной формой языка, что недопустимо...» [Беликов 2001: 18]. Руководствуясь этим примером, и во избежание подобных недочетов, разделяем вопросы о контактах с исследуемым языком и степени его понятности носителям польского языка на два отдельных: «Слышали ли Вы когда-либо кашубскую речь?» и «Приходилось ли Вам пытаться читать текст на кашубском языке?» Вопросы же для носителей кашубского языка также подразделяются на вопрос о степени владения устной и письменной формами

языка, поскольку школьное образование на кашубском языке, хоть и существует, но, пока не является повсеместным в регионе расселения кашубов.

Методическая литература по исследуемому вопросу призывает «обратить внимание на отношение респондента к опросу и опрашивающему. Потенциальному респонденту могут быть неясны реальные цели анкетирования и причины, по которым он сам попал в выборочную совокупность. Он может опасаться, что его участие в опросе или даваемые им конкретные ответы могут иметь нежелательные последствия. Это ведет к намеренному искажению ответов или даже к отказу от анкетирования. Такая реакция достаточно распространена при обследованиях языковой ситуации» [Беликов 2001: 234]. Во избежание описанного выше результата к анкете было дано предисловие уточняющее, что опрос анонимен, а результаты необходимы для написания магистерской выпускной работы, и не будут использованы в каких-либо других целях.

В ходе анализа полученных при опросе данных были использованы количественные и качественные методы. Среди количественных был избран метод статистической обработки цифровых значений. Качественные методы подразумевают наличие цитат из интервью.

Глава 3. Определения места кашубского языка в ряду других славянских языков в лингвистическом и социолингвистическом аспектах

§ 3.1. Особенности грамматики кашубского языка на фоне других славянских языков

Каждый ученый, занимавшийся и занимающийся кашубским языком, вероятно, не станет отрицать, что этот язык имеет достаточное количество черт, выделяющих его из славянской группы. Такие черты кашубский язык имеет как в разделе грамматики, так и в лексике и других лингвистических аспектах. Так, например, кашубский язык, будучи весьма малочисленным по количеству носителей, разделяется на едва ли не самое большое количество диалектов. В области морфологии, лексики и фонетики кашубский является весьма архаичным, в сравнении с другими языками славянской группы, о чем нередко упоминают и чему дают объяснения исследователи, чьим основным научным интересом является кашубская проблематика.

Представляется целесообразным, говоря об особенностях кашубского языка, не ограничиваться вниманием к только грамматическому строю. Существенной и интересной чертой исследуемого языка является большое разнообразие его диалектов. Согласно исследованиям Е. Тредера, Ф. Лоренц различал до 50 диалектов кашубского языка, более же поздние исследования составителей Атласа Кашубского Языка [АЖК'64-78] предложили разделить условно диалекты кашубского языка на четыре основные группы: северную, центральную, северо-восточную и юго-западную [Treder 59]. Факт столь интенсивной дифференциации также имеет значение в вопросе грамматики, поскольку различия диалектов имеют выражение во всех разделах, за исключением синтаксиса, способы построения предложений примерно одинаковы для всей области распространения кашубского языка [Treder 1981: 100]. В фонетике же кашубских диалектов общей чертой является кашубение, то есть произнесение s, z, c, dz на месте польских согласных ś, ź,

ć, dź. Разрозненность наречий характерна не только для кашубского, но и для других славянских языков, однако это выражается у них в разной степени. Наиболее диалектно дробным славянским языком считается словенский, число носителей которого составляет около двух миллионов, а число диалектов, выделяемых в нем примерно пятьдесят [Дуличенко 2005: 199]. Объясняется такое разнообразие и длительным отсутствием государственности у словенцев, особенностями природного ландшафта – гористая местность, обуславливающая изолированность групп народа [Дуличенко 2005: 230]. Те же причины разнообразия, пусть и меньшего, диалектов можно назвать и для словацкого языка, численность носителей которого составляет примерно 5 млн. чел., а количество диалектов близко к отметке тридцати [Широкова 1990: 352]. К примеру, в чешском языке выделяется 13 основных территориальных диалектов, подразделяемых на 4 группы, к политическим факторам формирования которых можно отнести длительный период оккупации, сопровождавшийся отсутствием официального статуса у чешского языка и принудительной германизацией [Широкова 1990: 583]. Также значительным диалектным расчленением характеризуется и болгарский язык – около 40 групп говоров принято выделять для этого языка, что, должно быть, связано с переселениями, ландшафтом ареала и религиозными различиями [Маслов 2005: 74]. Украинский язык традиционно подразделяется на 14 групп говоров, объединяемых в три основных наречия, в их формировании большую роль играет соседство и, соответственно, контакты с носителями других языков (русского, венгерского, польского и т.п.) [Жовтобрюх 2005: 538]. Диалектная дифференциация русинского языка объясняется в первую очередь отсутствием целостной территории обитания носителей, этот язык подразделяется на три основных диалекта, внутри которых также принято выделять группы говоров [Чарский]. Лужицкие языки, образуя изначально два самостоятельных литературных языка, подразделяются внутри каждого на диалекты, помимо чего также существуют переходные диалекты, общее

число их по одной из классификаций - семнадцать [Шустер-Шевц 1976: 79]. Сравнив диалектную дробность кашубского языка с некоторыми другими славянскими языками различных групп и статусов, можно увидеть, что по соотношению числа носителей и количества языков, кашубский можно считать наиболее разнообразным в диалектном отношении. Данные рассмотренных в качестве примера языков сведены в таблицу 1 в приложении на странице 81.

Особенностям лексического строя и его связям с другими славянскими языками посвятила множество работ Ханна Поповска-Таборска. Одним из ключевых выводов, сделанных в ходе ее исследований, можно считать вывод о том, что архаичность кашубского языка связана с его периферийностью [Porowska-Taborska 1995: 72]. Именно удаленность от центра славянского ареала является прямо пропорциональной степени консервированности языка на том или ином уровне. В лексическом плане исследователь выделяет 14 примеров архаичных корней, которые невозможно встретить в других современных западных славянских языках. Среди таких примеров есть как базовые понятия, так и специфические бытовые. Примерами базового понятия может служить прилагательное „bëlni” (хороший, прекрасный, добродетельный), аналоги которого можно найти лишь среди русских диалектизмов: „быльной” (верный, правильный) или глагол „sibřec są” (заигрывать), связь которого можно усмотреть лишь в белорусском „сябр” (друг, товарищ). К словам со специфическим значением можно отнести такие примеры как „sov”, который означает «отек вымени у коровы после отёла, связанный с переизбытком молока». Слова, имеющие, вероятно, то же происхождение, существуют в южнославянских языках, где их значение более связано с отеком лимфоузлов. Еще одним сугубо специфическим бытовым понятием является *suza* (сеть для ловли корюшки), этот рыбацкий термин имеет точные соответствия в диалектах русского и украинского языков [Porowska-Taborska 1996: 301]. Фактически же примеров лексем, представленных в современном кашубском языке, но отсутствующих

в других славянских языках значительно больше, и их существование может служить иллюстрацией архаичности лексического строя кашубского языка.

Грамматика кашубского языка являлась основным научным интересом польского ученого Ежи Тредера, который создал множество исследований на эту тему. Именно он составил пособие «Грамматика кашубского языка: популярный очерк», в которой сфокусировался, в том числе, и на особенностях кашубского, отличающих его от прочих славянских и особенно польского языка. Такие особенности присутствуют на фонетическом уровне, например, явления так называемых кашубения или былячения. Суть кашубения состоит в отвердении среднеязычных согласных до зубных \acute{s} ->s [scana] вместо польского [ścana], \acute{z} ->z [gozdz] вместо польского [goźdź], \acute{c} ->c [dac] вместо польского [dać], $\acute{d}\acute{z}$ ->dz [dzys] вместо польского [dźiś]. Этот процесс мог начаться в XIII веке, то есть после изменения мягких t, d, в \acute{c} , $\acute{d}\acute{z}$, и перед изменением краткого i в ě, которое имела место в XVII в. Кашубение было впервые задокументировано Крофеем (XVI в.) Причиной явления кашубения принято считать тенденцию к упрощению слишком сложной системы согласных. В системе гласных особенностью кашубского языка можно считать звук ě, традиционно называемую шва (bĕs, sĕcho, celĕsa и т.п.) [Treder 1981: 66]. Этот гласный сформировался из u, i (в том числе происходящего от ę) около XVII в. в результате общепольской тенденции (уже после исчезновения долготы) к различению континуантов прежде кратких и долгих гласных [Popowska-Taborska 1961: 220]. Не менее специфичным можно считать и так называемую «кашубскую палатализацию», сопровождаемую аффрикатизацией заднеязычных согласных k, g в cz, dź (мягкие) или в \acute{c} , $\acute{d}\acute{z}$. [k'edy -> ě'edĕ/ĕcedĕ], [nog'i -> nodź'i/nodźi]. Мягкие k', g' появились в польском языке в XV в., однако, в силу периферийного положения Кашубии, такие согласные могли появиться здесь значительно позже [Treder 58]. Явление былячения, состоящего в произношении ł как l, предполагается считать относительно поздним. У Ф. Цейновы (XIX в.) можно встретить

jaskulęcza, leżka и т.п. К подобным явлениям можно отнести отвердение *ń* в *n*, которое моложе, нежели былячение, однако охватывает бóльшую территорию. В текстах Ф. Цейновы можно встретить *granca*, *pierscén*. Это изменение объясняется немецким влиянием, также как былячение, однако кашубисты предлагают не забывать о теории, что такие изменения вероятнее являются следствием тенденции к упрощению системы согласных, которую германизация могла лишь ускорить [Treder 1981: 117].

Самой архаичной фонетической чертой кашубского языка можно считать смягчение согласной предшествующей сочетанию *-ar-* (происходящего от мягкого консонантного *r*), как в случаях *dzaŕł* (вместо польского *darł*), *miartwi* (вместо польского *martwy*), *upiaŕti* (вместо польского *uparty*) [Селищев 1941: 214]. Эти явления имели место в словинском языке и, без исключений, в полабском. Однако следы этой особенности также встречаются и в современном польском языке: *ćwiartka*, *ziarno*. Достаточно яркой особенностью кашубского языка и выражением его архаичности можно считать судьбу правлавянских сочетаний *TarT*, *ToIT* и *TeIT*. В кашубском языке в некоторых случаях сохранилась исходная форма: *kołbasa*, *mołnio*, *połny*, *wołna*. Более повсеместным является переход группы *TeIT* в *TłoT*: *młoti*, *płoti* [Stieber 1999: 95]. Особенно хорошо сохранились на территории Кашубии формы с группой *TarT*, например: *bardawica*, *marwiszcze*, *parmień*, *skarnia*, *warna*, также многочисленны топонимы, демонстрирующие это явление.

Также среди особых черт кашубского языка можно упомянуть выпадение гласной *e* не только в косвенных падежах, но и в именительном, как в словах: *‘rórenk’* вместо польского *‘poranek’*, *‘kúńc’* вместо польского *‘koniec’*. Носовая гласная *ą* произносится скорее как носовая *ɥ*, что вероятнее всего, является переходным вариантом от носового гласного к обычному, который уже доминирует в некоторых говорах кашубского языка [Treder 1981: 24].

Описанные в настоящем параграфе особенности кашубского языка демонстрируют его исключительность и большую историческую ценность для лингвистики. Кашубский язык по многим признакам является самым архаичным из ныне существующих славянских языков, обладающих письменностью. Его существование имеет особое значение для историков языка, поэтому стоит приложить особые усилия для его сохранения.

§ 3.2. Исследование восприятия поляками кашубского языкового вопроса путем анкетирования

При исследовании места языка в ряду других родственных ему языков представляется очевидной необходимостью рассмотреть его в контексте ближайшего родственного языка. Особенно важным кажется вопрос взаимоотношений и взаимовосприятия носителей близкородственных языков, в ситуации, когда один из языков имеет более высокий статус. Взяв для примера практически любую пару соседствующих территориально славянских языков можно увидеть, что один из них имеет негативную репутацию у носителей второго. Ситуация, сложившаяся на территории Польши с кашубским и польским языками, немного более многогранна. Помимо того, что многие поляки находят кашубский язык забавным, он также считается прерогативой провинциального населения и воспринимается как более «низкий». Восприятие кашубами польского языка, как, в частности, показало анкетирование - неоднозначно. По разным параметрам польский язык может оцениваться как положительно, так и отрицательно, хотя преимущественно нейтрально.

В целях данного исследования были составлены две формы опроса для представителей польской национальности и для носителей кашубского языка, направленные на выяснение некоторых вопросов взаимовосприятия языков большинства и меньшинства. Анкеты были составлены на польском языке в бесплатном онлайн сервисе. Анкета для поляков включала в себя 27 вопросов, анкета для кашубов состояла из 30 вопросов. Респондентам предлагалось выбрать вариант ответа из предлагаемых, либо, в некоторых

вопросах, написать свой вариант ответа, если ни один вариант не выглядел подходящим, кроме того, были введены несколько необязательных для ответа открытых вопросов с общей формулировкой, целью которых было выявление аспектов взаимо- и самовосприятия. В большинстве вопросов, где возможности выбора были ограничены, предлагался ответ типа «не знаю», с целью не вынуждать респондента давать ответ на затруднительный вопрос. Вопросы анкеты 1 приведены для ознакомления на странице 81, вопросы анкеты 2 – на странице 84.

Анкета содержит несколько вопросов, фиксирующих основные, важные для исследования данные респондента: возраст, уровень образования, профессию или специальность, место рождения и место проживания. В анкете имеют место вопросы, направленные на изучение степени осведомленности о кашубском языке, а именно: источнике знания о существовании миноритарных языков в Польше, количестве региональных языков в стране и примерном количестве носителей кашубского языка. Важен также вопрос контактов польских граждан с кашубским языком. В этом плане представляется показательным вопрос о том, сталкивался ли когда-либо опрашиваемый с текстами или устными высказываниями на кашубском, а также о личном знакомстве с носителями данного языка. Информантам, заявившим, что слышали или читали тексты на кашубском было предложено оценить степень их понятности по шкале от 1 до 6, где 1 – было понятно все до последнего слова, а 6 – не понятно ни единого слова. Тем, кто ответил, что не сталкивался с языком, предлагалось предположить, насколько понятным этот язык они себе представляют по такой же шкале. Анкета для кашубов включала в себя также вопросы о степени владения кашубским языком в устной и письменной форме и источнике владения, а также о ситуациях использования языка в активном и пассивном планах.

Следующая группа вопросов касалась мнения по, пожалуй, наиболее острому вопросу, а именно дилемм «язык/диалект» и «народ/этническая группа польского народа». Наиболее обширной группой вопросов

предполагалось выяснить мнение об использовании миноритарных языков в сфере среднего общего и высшего профессионального образования. Причем одни и те же вопросы были сформулированы на тему отдельно кашубского языка и миноритарных языков в общем. Такой прием был применен с целью выявления особого отношения к кашубскому языку, выделение его из общей массы миноритарных языков. Два вопроса были направлены на выяснение субъективного мнения об исследуемом языке: полякам, сталкивавшимся с кашубской речью, было предложено оценить то, что они слышали, а также возможность написать свое мнение о языке, при желании. Носителям кашубского языка помимо этого предлагалось описать реакции поляков на кашубскую речь и свое отношение уже к польскому языку.

В опросе поляков приняло участие 40 респондентов разных возрастных категорий из восьми воеводств Польши (рис. 1). Возраст опрашиваемых колебался в границах от 19 до 38 лет, при условном разделении на подгруппы «моложе 23», «24-29 лет», «старше 30» соотношение выглядело как 14:14:12. Среди опрошенных более 50% (23 человека) имеют высшее профессиональное образование, и 37,5% (15 человек) являются студентами вузов по программам бакалавриата и магистратуры, еще двое опрошенных имеют только среднее образование. 60% опрошенных имеют гуманитарное образование, в том числе 27,5% филологическое или лингвистическое, из них 17,5% - по направлению «славистика». В опросе носителей кашубского языка участвовали 43 человека, в возрасте от 15 до 60 лет, представляющих разную степень владения миноритарным языком, среди них более 60% (27 человек) имеют высшее образование, 10 человек среднее и еще шестеро – студенты вузов. Наглядное распределение уровня образования респондентов указано на диаграммах на рисунке 2 в приложении.

Представляется важным источник информации о кашубском языке, и миноритарных языках в целом, поэтому был задан вопрос о том, откуда обычный гражданин узнает о существовании таких языков, с вариантами ответов: школа, семья, пресса и возможностью дать собственный вариант

ответа. Важно отметить, что ни один поляк не дал ответа, что не осведомлен об их существовании. Распределение же остальных вариантов выглядит таким образом, что более половины поляков, то есть 21 респондент, считают основным источником таких знаний школу. Еще 15 человек (около 30%) предполагают, что поляки преимущественно узнают о кашубах из средств массовой информации, четверо ответили, что из рассказов членов семьи. Лишь один респондент упомянул о том, что в регион расселения кашубов также ездят на экскурсии, откуда и узнают о культурно-этническом разнообразии своей страны. Мнение кашубов на эту тему достаточно сильно отличается, большинство склоняется к варианту ответа «СМИ», так ответили 20 опрашиваемых (почти 50%), по 7 человек предпочли вариант «школа» и «семья». Достаточно много (20%) кашубов дали собственный вариант ответа. Один из респондентов упомянул о привлекательности данного региона для туристических поездок. 10% респондентов высказали мнение, что среднестатистический поляк ничего не знает, или знает крайне мало о кашубах и их языке. Прозвучало мнение, что в польской прессе существует негласный запрет упоминания этой темы. Остальные респонденты дали варианты ответов из предложенных к выбору с комментарием, что это зависит от места проживания (рис. 3).

Однако, знания поляков о языке оказываются по результатам опроса весьма поверхностными. На вопрос о количестве языков, имеющих в Польше статус регионального было предложено выбрать из вариантов 1, 2, 3, 5, 10, более 10. Правильный ответ дали лишь 10% (четверо) поляков, еще 10% предположили, что статус регионального языка в Польше имеют десять языков. Наибольшее количество (30%) склонилось к ответу «три региональных языка». 25% дали ответ «пять», 20% предположили, что таких языка два. Еще и двое респондентов посчитали, что их более десяти. В этом вопросе носители кашубского языка проявили значительно бóльшую степень осведомленности. Правильный ответ дали 27 опрашиваемых, что составляет более 60%. Остальные варианты ответов распределились следующим

образом: по 14% (6 человек) предположили, что в Польше существует три или пять региональных языков, по одному опрашиваемому дали ответ 10 и более 10. Двое дали ответ «два». Можно заключить, что знание поляков на эту тему и правда нельзя назвать глубоким, однако и среди самих носителей кашубского языка осведомленность не является всеобщей.

О количестве носителей кашубского языка также верный ответ дали минимальное количество поляков, только трое респондентов, что составляет 7,5%. Опрашиваемым было предложено выбрать из обширного количества разнообразных вариантов: <1000, несколько тысяч, 10-20 тысяч, 20-90 тысяч, 100-500 тысяч, 0,5-1 миллион, более миллиона и несколько миллионов. Однако наибольшее количество опрашиваемых дали ответ в диапазоне 10-90 тысяч, что наиболее близко к правильному ответу. Еще 11 человек предположило, что количество носителей кашубского языка составляет от двух до десяти тысяч, 9 человек выбрали вариант 10-20 тысяч и четверо – менее одной тысячи. Только один опрашиваемый дал ответ «более миллиона». Таким образом в сторону меньшего количества склонялись около 60% поляков, что свидетельствует о том, что поляки склонны более к преуменьшению числа говорящих на кашубском языке, нежели к его преувеличению. Сами носители кашубского языка дали большее количество правильных ответов. Почти 60% выбрали ответ 100-500 тысяч, еще десять опрашиваемых высказали мнение, наиболее близкое к верному ответу – 20-90 тысяч. По одному человеку выбрали крайние варианты: «менее тысячи» и «более миллиона». Четверо и двое респондентов дали ответы «несколько тысяч» и «от 10 до 20 тысяч» соответственно. Таким образом, из примерно 40% давших неверный ответ около половины сильно преуменьшили число носителей (рис. 4).

Наиболее интересным представляется распределение ответов в вопросах о языке/диалекте и национальности/этнической группе. Только двое из опрашиваемых поляков согласились с тем, что кашубов можно считать отдельным народом, большинство (свыше 80%) дали ответ –

этническая группа, и только трое воздержались от ответа, выбрав вариант «не знаю». При этом распределение ответов на вопрос язык/диалект выглядит несколько иначе, хотя ожидалось увидеть в ответах какую-либо взаимосвязь между понятиями язык - народ, этническая группа - диалект. Тем не менее, мнения по этому вопросу разделились примерно поровну, 47,5% поддержали позицию, что кашубский – это язык, против 45% ответивших, что это диалект. Трое респондентов затруднились дать ответ на этот вопрос. Мнение самих носителей по этому вопросу весьма разительно отличается от мнения поляков. 60% кашубов считают себя отдельным народом, 40% признают себя этнической группой поляков. В вопросе «язык/диалект» кашубы оказались более единодушны и свыше 90% ответили «язык», в то время как один респондент дал ответ «диалект» и двое воздержались от ответа (рис. 5).

В вопросе о контактах поляков с кашубским языком удалось выяснить, что лишь 15% (шестеро) никогда не слышало и не встречало письменных текстов, среди тех же, кто сталкивался с этим языком, только 27,5% (11 человек) от общего числа респондентов пытались читать письменные тексты. Только трое респондентов из сорока, заявили наличие у них более одного знакомого носителя кашубского языка и еще трое ответили, что знакомы с лицами, которые считают своей родиной регион распространения исследуемого языка, однако не уверены, владеют ли они им. Остальные 85% информантов твердо уверены, что никогда не сталкивались с носителями кашубского языка лично (рис. 6).

Опрашиваемым, имевшим контакт с кашубским языком, было также предложено оценить свои ощущения о степени понятности услышанного. Только один из 25 лиц утверждает, что было понятно абсолютно всё, ни один не дал ответа «не понял ни слова». Самым популярным вариантом ответа был «было понятно несколько слов, по которым можно предположить, о чем шла речь, но не точно» так ответили треть опрашиваемых – 9 респондентов. По 7 человек дали ответы «понял несколько слов, чего НЕ достаточно, чтобы понять о чем шла речь» и «понял несколько слов, чего достаточно, чтобы

понять о чем шла речь, но без подробностей». Только двое утверждают, что им было не понятно только несколько слов, но об их значении можно догадаться из контекста (рис.7).

Среди 25 респондентов слышавших кашубскую речь, только 9 имели опыт чтения текстов. Ещё двое, сталкивавшиеся с текстами, утверждают, что никогда не слышали устных высказываний на этом языке. Таким образом, из одиннадцати опрошенных по одному оценили понятность письменного текста как «понятно каждое слово» и «по нескольким словам можно восстановить общее содержание без подробностей». Трое опрошенных утверждают, что поняли несколько слов, из которых было невозможно установить тематику текста. Четверо смогли догадаться из контекста о значении неузнанных слов. Большинство, то есть почти половина опрошиваемых, оценили понятность прочитанного, как «понятно несколько слов, по которым можно определить общее содержание, но не точно» (рис. 7).

Респондентам, не имевшим контакта с кашубским языком, было предложено описать, насколько понятным они себе представляют этот язык. Результаты ответов на эти вопросы не рассматривались детально, поскольку являются всего лишь предположениями, однако в них все же видна определенная закономерность. Примерно равное количество опрошиваемых предположили, что письменный текст будет чуть более понятен, чем устный и наоборот. В целом оценка понятности выглядит не очень оптимистичной, поскольку большинству кажется, что из текста будь то письменный или устный, будут понятны менее 50% слов (рис. 8).

Респондентам обеих анкет также было предложено дать оценку звучанию языка, из двух позитивных вариантов (красиво, забавно), двух негативных (уродливо, глупо), нейтрального (язык не может нравиться или нет) либо предложить собственный вариант. Среди 25 ответивших на этот вопрос почти половина сочли язык забавным, четверть – красивым, один

респондент ответил, что кашубский звучит глупо и трое дали собственные варианты ответов: оригинальный, интересный и странный. Четверо посчитали вопрос неуместным в отношении языка.

На тот же самый вопрос сами носители языка ответили иначе, почти половина, что кажется естественным, ответили, что этот язык красивый. Четверть респондентов выбрала вариант «язык не может нравиться или не нравится». Остальные респонденты предложили собственные варианты ответов, из которых можно понять, что в первую очередь они не считают возможным оценить свой собственный язык, поскольку он для них просто звучит естественно. Также можно заключить, что кашубы любят свой язык, считают его более выразительным, чем польский, подчеркивают его ценность, как культурного наследия (рис. 9).

Более третьей части вопросов были направлены на исследование мнения поляков о применении миноритарных языков в целом и кашубского языка в частности, на различных уровнях системы образования. Интервьюируемым было предложено выразить свое мнение по четырем вопросам: изучение миноритарных языков/кашубского языка в средней школе, преподавание на миноритарных языках/кашубском языке в средней школе, сдача экзамена на аттестат зрелости по языку или других предметов на нем, и обоснованность изучения миноритарных языков/кашубского языка в качестве программы высшего образования. По вопросу изучения языка предлагалось выбрать из вариантов ответов: «это недопустимо», «допустимо в качестве факультатива», «допустимо только в школах/классах на 100% состоящих из представителей национальных меньшинств», «допустимо» (без уточнения), «стоит сделать это обязательным». В вопросе о миноритарных языках в целом 37,5% респондентов (15 человек) остановили свой выбор на варианте факультативного изучения, 25% выбрали нейтральный вариант «допустимо», 20% посчитали, что это можно делать только в школах, в которые ходят исключительно дети из конкретного национального меньшинства, 10% выразили мнение о том, что это стоит сделать

обязательным, и трое респондентов воздержались от ответа. Результаты ответа на тот же самый вопрос конкретно о кашубском языке продемонстрировал неидентичные, но достаточно близкие показатели: большинство (47,5%) посчитали рациональным изучение кашубского языка факультативно, только двое воздержались, и лишь один респондент выразил мнение, что это должно быть обязательным. Показатели по остальным вариантам ответов не отличались. Ответы кашубов на тот же вопрос существенно отличаются от ответов поляков. В первую очередь стоит отметить, что кашубы не выделяют свой язык среди других миноритарных языков, если речь идет о сфере образования. Ответы носителей кашубского языка на вопросы о миноритарных языках и конкретно кашубском практически абсолютно совпадали. По вопросу преподавания миноритарных/кашубского языков в средних школах более 60% респондентов выразились «категорически за», около 30% высказали нейтральную позицию «допустимо», только трое респондентов посчитали изучение таких языков в школах допустимыми только при условии посещения их исключительно представителями национальных меньшинств, и лишь один респондент посчитал допустимым в форме факультатива. Примечательно, что ни один респондент не дал резко отрицательного ответа о том, что такое недопустимо (рис. 10).

По вопросу обучения на миноритарных языках в школах респондентам было предложено выбрать из вариантов «абсолютно недопустимо», «возможно в школах на 100% состоящих из представителей национальных меньшинств/кашубов» и «стоит сделать обязательным». Здесь также распределение мнений поляков несколько отличается относительно миноритарных языков в целом и кашубского в частности. 5% информантов считают это абсолютно недопустимым для миноритарных языков в общем и 10% информантов для кашубского в частности. 40% поляков предпочли воздержаться от ответа по вопросу миноритарных языков 30% для кашубского. 10% для миноритарных языков и 5% для кашубского, полагают,

что стоит сделать это обязательным. Согласились, что такой вариант обучения допустим для миноритарных языков 45% и для кашубского языка 55% респондентов. По данному вопросу мнения носителей кашубского языка также значительно отличается от мнения поляков. Подавляющее большинство, около 70% считают преподавание на миноритарных языках, в том числе кашубском допустимым, около 30% - обязательным, и лишь один информант воздержался от ответа (рис. 11).

Мнения поляков по вопросу выпускных экзаменов на языке или же по языку разделились незначительно: 70% респондентов считают, что выпускники школ должны иметь возможность выбора кашубского языка, и 65% признают необходимость такого варианта для миноритарных языков в целом. Четыре респондента считают это недопустимым для миноритарных языков, из которых трое придерживаются того же мнения по вопросу кашубского. 15% респондентов выразили мнение, что такой экзамен должен быть обязательным для всех миноритарных языков и по 15% не смогли определиться. Носители кашубского языка также единодушны и в данном вопросе, то есть почти 90% полагают, что такой вариант должен предоставляться выпускникам, остальные считают, что стоит сделать это обязательным в школах, где представители национального меньшинства составляют большинство (рис. 12).

Анкетированные поляки в большинстве своем выразили мнение о том, что существование миноритарных языков и кашубского языка в рамках программ высшего образования возможно. 80% посчитали, что миноритарные языки, могут быть изучаемы в вузах, также благосклонно к кашубскому языку выразились 72,5% опрошиваемых. 10% посчитали существование миноритарных языков, как и кашубского, в вузах невозможным, остальные воздержались от ответа. Кашубы же однозначно в 100% приняли позицию, что любой миноритарный язык может изучаться в вузе (рис. 13).

Немаловажным представляется реакция поляков на кашубскую речь, особенно то, какой она кажется самим носителям. Мы предложили открытый вопрос на эту тему респондентам, и получили весьма разнообразные ответы. Среди наиболее часто встречающихся можно перечислить удивление, смех, и заинтересованность. Также весьма распространенными были варианты: непонимание, шок, равнодушие, презрение и восхищение. Из неожиданных и редких ответов стоят упоминания: зависть, смущение, раздражение, «расизм», ненависть, уважение, одобрение. Как можно заметить, среди перечисленного встречаются как негативные, так позитивные и нейтральные реакции. Поскольку многие информанты в своем ответе давали несколько вариантов, часто разно полюсных, то мы просто подсчитали, как часто та или иная реакция упоминается информантами и получили следующие результаты: 26 вариантов негативной реакции, 32 случая позитивного восприятия и 35 упоминаний о нейтральном восприятии кашубского языка поляками. Наиболее интересные ответы на этот вопрос даны в приложении на странице 97.

Анализ результатов опроса наглядно демонстрирует, что существенных расхождений в ответах на вопросы с формулировкой «кашубский язык» и идентичных вопросов с формулировкой «миноритарные языки» не наблюдается. Это дает основания полагать, что поляки не выделяют кашубский язык среди других миноритарных языков и не относятся к нему более лояльно или более критично. Точно также и сами кашубы не считают свой язык лучше или хуже прочих миноритарных языков. Однако мнения национального меньшинства и большинства все же по некоторым вопросам расходятся весьма существенно.

Анкета для носителей кашубского языка содержала открытый вопрос об их восприятии польского языка, на который были получены достаточно разнообразные, хотя и не всегда развернутые ответы. Среди 43 ответов на эти вопросы часто встречалось мнение о том, что польский язык вредит кашубскому, доминируя над ним и тем самым подавляя и сам язык и

культуру в целом, он бывает навязываем насильно. Для многих польский язык – это вынужденная необходимость, для коммуникации в обществе, поскольку является государственным языком. Вследствие этого, считается более значимым, чем кашубский, хотя примерно столько же респондентов выразили мнение о том, что для них лично польский и кашубский языки одинаково важны. Негативное восприятие и позитивное выразили по 10% респондентов, 50% скорее равнодушны и воспринимают польский как данность. Остальные респонденты воздержались от оценочных суждений. Самые яркие ответы на этот вопрос приведены в приложении на странице 98.

После заполнения анкеты респондентам предлагалось при желании выразить свое мнение по теме. Ответы на этот вопрос, можно сказать, демонстрирует «равнодушно-позитивное» отношение поляков к кашубскому языку. Почти половина опрошенных написали краткие комментарии, среди которых звучали такие точки зрения, что кашубскому языку необходима большая поддержка от государства, следует распространять знания о кашубском языке, так как полякам следует знать и осознавать богатство своей культуры. Также опрошиваемые давали исследуемому языку такие оценки как «похож на польский, но все равно чужой», «архаичный и интересный, но смешной, как и любой говор». Прозвучало пожелание узнать этот язык ближе и изъявление уважения к нему. Сами же носители языка как ни парадоксально в большинстве своем выразили схожую позицию: 50% ответивших на этот вопрос подчеркнули необходимость предприятия всевозможных действий целью, которых было бы сохранение языка, особенно в сфере образования. Многие видят степень угрозы вымирания языка, а следом за ним и культурной идентичности кашубов. Носители кашубского языка неоднократно констатировали, что многие его стыдятся. Один из респондентов выразил дискуссионную точку зрения, что кашубский язык испытывает на себе негативное отношение, хотя логически те, кто живут в регионе распространения языка, даже не будучи представителями кашубского меньшинства должны были бы изучать этот язык, просто

потому, что там живут. Ответы на последний вопрос обеих анкет приведены на странице 98.

Общее впечатление от результатов анкетирования можно выразить в нескольких выводах. Польское население не слишком детально осведомлено о существующих в их стране языковых меньшинствах, а информанты, давшие правильные, или максимально близкие к правильным, ответы чаще всего владеют информацией в силу своей профессии или специальности: большинство из них изучают или изучали славянские языки, либо другие гуманитарные науки. Контакты с региональным языком весьма редки и также зачастую связаны со сферой деятельности либо интересов человека. Поляки отрицают национальную отдельность кашубов и не всегда даже признают кашубский язык, а не диалектом, при этом плохо понимая его. В целом же не удалось выявить негативного отношения к исследуемому языку, а скорее нейтрально-равнодушное. Мнение носителей кашубского языка в то же время по многим вопросам существенно расходится с мнением поляков, не относящих себя ни к одному из национальных меньшинств. В первую очередь как минимум более половины опрошенных точно знают о статистике, касающейся их языка. Гораздо большее количество кашубов считает себя и свой язык чем-то отдельным от поляков и их языка. Отношение к миноритарному языку у кашубов значительно лояльнее, нежели у поляков. Наиболее интересным представляется различие между мнением, которое о кашубском языке выражают сами поляки и то, как носители кашубского языка представляют себе отношение поляков к ним. Скептический настрой носителей исследуемого языка по этому вопросу достаточно далек от впечатления, производимого совокупностью ответов поляков.

§ 3.3. Статус кашубского языка и языковая ситуация в сопоставлении с другими славянскими микроязыками

Все славянские языки можно разделять по различным признакам: западные – восточные – южные, живые – мертвые, использующие латинский алфавит или, так называемый, кириллический, а то и оба равносильно макроязыки - микроязыки и т. д. Говоря о кашубском языке, представляется рациональным сфокусироваться на вопросе статуса языка и языковой ситуации.

Кашубский язык не имеет статуса государственного, собственное суверенное государство у кашубского народа на данный момент отсутствует, а шансы быть признанным одним из государственных языков на ряду с польским, образно выражаясь, пропорциональны соотношению поляков и кашубов. Население Польши по данным переписи населения 2011 года составляет 38,51 млн. человек, а численность граждан, использующих кашубский язык повседневной жизни по данным переписи того же года всего около 108,1 тысяч человек [Spis 2011]. Таким образом, говорящими на кашубском языке считаются примерно четверть процента населения страны, соответственно решение о нескольких государственных языках в Польше по примеру Швейцарии или Бельгии, в равной степени невозможно и бессмысленно. Однако, будучи участником «Европейской хартии региональных языков», а также став членом Европейского Союза, Польша возложила на себя обязательство уважать и оберегать самосознание своих граждан, к какой бы национальности они себя ни относили, и на каком бы языке ни предпочитали изъясняться. Хартия была создана, учитывая принципы единства между членами Совета Европы, и имеет своей целью: сохранить богатство и традиции культурного наследия; защищать исторические и региональные языки, находящиеся под угрозой исчезновения; гарантировать право пользоваться региональным языком в соответствии с «Международным пактом о гражданских и политических правах»; взаимно обогащать европейские культуры; делать вклад в

строительство единой Европы. Хартия определяет региональный язык, как язык отличный от официального языка государства, используемый меньшей, по сравнению с остальным населением государства, группой, не являющийся диалектом государственного языка. Хартия обязует государства, ратифицировавшие её: признавать региональные и миноритарные языки в качестве выразителей культурного богатства; уважать регион, в котором распространён язык; содействовать и поощрять использование регионального или миноритарного языка. Государственные органы участников Хартии должны: обеспечивать средства и содействовать желающим в изучении таких языков; обеспечивать доступность всех уровней образования на этих языках и изучение истории и культуры группы, использующей данные языки. Государства участники Хартии должны: обеспечивать возможность, в рамках территории распространения региональных и миноритарных языков, использовать такие языки в суде, административных органах, СМИ; содействовать организации культурных мероприятий и поощрять участие в них; обеспечить доступность произведений искусства на исторических языках; исключить любой неоправданный запрет использования миноритарных языков в экономической и общественной деятельности [Charter 2001]. Вступление Польши в Европейский Союз и придание кашубскому языку нового для него на тот момент статуса регионального – события, располагающиеся на временной оси довольно близко: 1 мая 2004 года - 6 января 2005 г.

Такой статус сохраняется за кашубским языком по сей день, более того, данный язык является единственным носителем этого статуса в Польше с самого момента утверждения «Закона о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке». В связи с упоминанием этого закона сложно удержаться от того, чтобы не сделать акцент на статусе самого кашубского народа. Формулировка упомянутого выше закона не оставляет равнодушными ни самих представителей этого этноса, ни авторов работ по кашубской тематике, увидевших свет после 2005 г., так или иначе

затрагивающих «кашубский вопрос». Согласно содержанию «Закона...», национальным меньшинством считаются граждане Польши, представители национальностей, являющихся большинством в какой-либо другой стране, например русских, армян и евреев, этническим же меньшинством называются национальности, не имеющие собственного государства, например цыгане и лемки. Ни в один из этих списков кашубы не входят, в «Законе...» лишь фигурирует «группа, говорящая на региональном языке». Во избежание необходимости перечислять все права и гарантии, полагающиеся меньшинствам согласно «Закону...» попытаемся резюмировать и подкрепить примерами ситуацию, регулируемую этим законом. «Закон...» направлен на защиту и охрану культурного самосознания представителей национальных и этнических меньшинств, перечисленных в нем, поддержку, в том числе финансовую, начинаний, направленных на комфортное сосуществование представителей меньшинств и «национального большинства» населения. Так, например п.5.1. «Закона...» запрещает применение средств, направленных на ассимиляцию лиц, принадлежащих к меньшинству, если эти средства применяются против их воли. П.9.1. позволяет использовать миноритарный язык в органах муниципальной власти в качестве вспомогательного. Данный закон ничего подобного не гарантирует «группе, говорящей на региональном языке». Что же касается собственно языка, то «Закон...» дает его носителям те же права на его изучение и образование на нем, что и носителям миноритарных языков, также позволяет существование СМИ на региональном языке [Ustawa 2005]. Поверхностный анализ самого доступного источника информации по данному вопросу, то есть онлайн архивов польской прессы, в том числе региональной [Rzeczpospolita, Gazeta Wyborcza, Wprost, Gazeta Kartuska, Dziennik Bałtycki], за последние несколько лет, показал, что, по большому счету, права кашубов на сохранение культуры и постулирование своей идентичности не ущемляются, и, не смотря на различия, зафиксированные на законодательном уровне, кашубский народ не дискриминируется по

сравнению с национальными и этническими меньшинствами. Однако, все еще остается неясным, почему же правительство так явно обходит вопрос кашубской идентичности и разделяет вопросы языка и этноса. Результаты проведенного для настоящего исследования анкетирования польских граждан также указывают на то, что в восприятии поляков соответствия язык-народ, диалект-этническая группа не являются очевидными. Соотношение ответов на вопрос о том, чем является кашубский и, чем являются кашубы не тождественно. Мнения по вопросу статуса идиома расходятся примерно поровну, народом же кашубов считают очевидное меньшинство респондентов. Вероятно, это вызвано влиянием на общественное мнение образования. Представляется логичным, что эта тема уже лежит более в области социологии и политологии, нежели лингвистики, однако трудно не заметить и просто не упомянуть такое несоответствие, говоря о кашубском языке и его современном статусе.

Возвращаясь к вопросу собственно языка и его статуса, хочется кратко напомнить принятую классификацию славянских языков, что будет иметь значение в дальнейшем, о чем пойдет речь в настоящем параграфе. Итак, согласно классификации предложенной А. Д. Дуличенко, славянские языки по количеству носителей можно подразделить на макроязыки, (например: русский, польский, белорусский, словенский, чешский, сербский и прочие) которые имеют статус государственного, и микроязыки, к которым помимо кашубского также можно отнести следующие живые языки: верхнелужицкий, нижнелужицкий, русинский, градищанско-хорватский, банатско-болгарский, резьянский и молизско-славянский и некоторые другие [Дуличенко 1981: 42]. Эти языки являются живыми и функционирующими, но не используются на государственном уровне. Представляется целесообразным рассмотреть кашубский язык, а точнее положение, в котором он находится в текущий момент, в сопоставлении с прочими микроязыками, статус которых ближе, нежели статус того же польского языка.

Предлагаемые к рассмотрению и сопоставлению языки также условно можно разделить на группы по, вероятно, имеющему некоторое значение и влияние на ситуацию, признаку. Речь идет об окружении и расселении носителей данных микроязыков. Итак, верхнелужицкий и нижнелужицкий языки употребляются на территории, находящейся в границах современной Германии в Саксонии и Бранденбурге (рис.22). Носители языка, таким образом, находятся в постоянном контакте с людьми говорящими по-немецки, а вопросы защиты и сохранения языка в руках правительства Германии. Однако территория расселения лужичан близка к границе с Польшей, что, вероятно, дает возможность контакта с носителями другого славянского языка, особенно в условиях отсутствия жесткого пограничного контроля в Шенгенской зоне, хотя представляется сомнительным, что данный фактор имеет большое влияние на ситуацию, в связи с его недавним появлением. Хотя и границы в течение последних веков менялись неоднократно. Подобная ситуация у носителей градищанско-хорватского языка, чье месторасположение находится в границах Австрии (рис. 25), конкретно у восточной ее границы, в регионе Бургенланд. Здесь также возможны контакты с соседней страной – Венгрией, и минимальные со славяноязычными Словакией и Словенией, границы также отсутствуют. Немного иначе выглядит положение резьянского и молизско-славянского языков (рис. 23 и 24). Локация их находится на территории Италии (регионы Фриули – Венеция-Джулия и Молизе соответственно), то есть жители данных территорий находятся в постоянном контакте с языком, принадлежащим уже к романской группе, и репутация нации в чьих руках находится судьба этих языков также отличается от описанных выше. Кроме того область расселения носителей молизско-славянского языка не имеет общих сухопутных границ со славянами, соответственно контакты с ближайшими «языковыми родственниками» минимальны. Следующий язык, положение которого в контексте данной работы заслуживает внимания – банатско-болгарский, распространенный в регионе Банат в Румынии (рис.

25), близко к границе с Болгарией, с которой отсутствует визовый режим, что соответственно, в нынешнее время также облегчает контакт носителей данного языка со славянами. Последним языком, на который хотелось бы обратить внимание является русинский. Область распространения его, в отличие от прочих рассматриваемых языков, неоднородна (рис. 21). Наибольшее количество носителей проживает на приграничных территориях Украины и Словакии, гораздо меньше в Польше и Сербии. Среди прочих русинский язык отличает то, что в силу разброса территорий расселения, язык этот принято рассматривать как несколько диалектов: карпато-русинский (Украина и Словакия), панноно-русинский (Сербия и Хорватия) и лемковский (Польша). Особый интерес этот язык во всем своем разнообразии представляет тем, что, как и кашубский, распространен он на территориях, где его носители находятся в контакте преимущественно со славянами. Это дает основания полагать, что носители этого языка находятся в наиболее схожих с кашубами условиях постоянного контакта преимущественно с ближайшим или более близким, чем те, что распространены, к примеру, в Германии или Италии, родственным языком.

Следующий признак, по которому можно сопоставлять рассматриваемые микроязыки – это численность живущих ныне носителей. Наибольшее количество носителей по данным переписи населения зафиксировано у кашубского языка около 108 тысяч человек [Spis 2011]. Следующим по убыванию в этой классификации будет русинский язык – около 81 тысячи носителей в сумме. Среди которых около 55 тысяч населяют восточную Словакию [Sčítanie 2011], 6,7 тысячи западную Украину [Перепис 2001], 11,34 тысячи автономный край Воеводину в Сербии [Попис 2011] и 6,3 тысячи некоторые регионы Польши [Spis 2011], а также около 1,5 тысяч проживают в северной части Хорватии [UNSD 2011]. Также достаточно численным является градищанско-хорватский язык – 17,7 тысяч носителей [Volkszählung 2001]. На порядок ниже показатели численности носителей верхнелужицкого и нижнелужицкого языка: 20 тысяч и 6,7 тысячи человек

соответственно [Salminen 2007: 219]. Численность носителей банатско-болгарского языка разные источники указывают различную, однако, согласно переписи населения Румынии 2011 года, владение болгарским языком заявило 6,5 тысяч граждан [Recensământul 2011]. Очевидно, что носители рассматриваемого микроязыка называют свой язык болгарским, также как и те, кто, в силу каких либо причин, владеет современным болгарским языком, поскольку название «банатско-болгарский язык» является скорее научным термином. Поскольку наши возможности в определении хотя бы сравнительно точного числа носителей ограничены, а современная научная литература по изучаемому вопросу может представлять весьма устаревшие данные (к сожалению, микроязыкам уделяется микроскопическая доля внимания науки), то мы вынуждены исходить из примерных данных. Считая наиболее достоверным источником информации данные официальных сайтов государственных служб статистики, в вопросе числа носителей банатско-болгарского языка будем исходить из показателя менее 6,5 тысяч. То же самое можно сказать о резьянском языке, число говорящих на котором выяснить довольно сложно, поскольку исследованию языковой ситуации долгое время не уделялось должного внимания, однако поскольку население области расселения на момент последних проводимых подсчетов составляло около 1,5 тысяч человек, то за число говорящих к настоящему моменту будет целесообразно принять значение «менее 1,5 тысяч» [Steenwijk 2000: 238]. На том же уровне и в той же степени под угрозой вымирания находится молизско-славянский язык, численность говорящих на котором составляет около одной тысячи человек [Ethnologue].

Последним важным, на наш взгляд, фактором является юридическая сторона вопроса. Поскольку сохранение и защита языка, находящегося под угрозой вымирания, а по классификации ЮНЕСКО все перечисленные в настоящем параграфе языки, одни в большей, другие в меньшей степени, считаются таковыми [Атлас ЮНЕСКО], практически полностью зависит от государства, в котором язык распространен, то нельзя оставить без внимания

меры, принимаемые органами власти, то есть «централизованную» языковую политику. Поскольку возможности для анализа языковой ситуации за пределами Польши довольно сильно ограничены, то и руководствоваться мы будем преимущественно документами и работами, доступными по этой теме. Для начала стоит уточнить, что среди стран, которые попали в поле нашего внимания в связи с распространением в них славянских микроязыков, все, кроме Италии, являются полноправными участниками «Европейской хартии региональных языков». Итальянское правительство в отличие от остальных подписало «Хартию...», но по сей день не ратифицировало ее. Итак, кашубский язык имеет исключительный статус регионального, на законодательном уровне это гарантирует ему поддержку в сфере образования и СМИ. В действительности, насколько об этом можно судить со стороны, данные условия фактически выполняются: существует экзамен на аттестат зрелости по кашубскому языку, в одном из крупнейших вузов Польши – Гданьском Университете открыта программа первой ступени высшего образования «Кашубская этнофилология» [Gdańsk 2016], в свободном доступе находятся печатные издания (например, журнал «Pomerania») [Miesięcznik „Pomerania”] и радиостанция «Radio Kaszëbë» с вещанием на кашубском языке. Помимо этого из новостей можно почерпнуть информацию о регулярно проводимых мероприятиях культурной направленности: чтения литературы, в том числе переведенной, фестивали кашубской культуры и прочее. В регионе расселения кашубов на поморье можно встретить дорожные знаки с названиями населенных пунктов, а также таблички с названиями улиц, продублированных на кашубском языке, что, если верить прессе, также финансируется из бюджета или при финансовой поддержке Европейского Союза.

Следующими языками, о которых удалось собрать данные, представляющие относительно полную картину, будут верхнелужицкий и нижнелужицкий. В первую очередь стоит упомянуть, что существует «Закон о защите прав лужицких сербов на Бранденбургской земле» от 7 июля 1994 г.

Данным законом правительство Германии выражает признание стойкости лужицких сербов, проявленной в сохранении своей культуры и языка, и осознание ответственности за поддержание и сохранение языка и культуры лужичан, поскольку те не имеют своей земли за пределами Германии. Германское правительство берет на себя финансовую ответственность за подготовку профессиональных преподавателей серболужицких языков и гарантирует возможность их изучения в образовательных учреждениях и свободу их использования, в том числе в СМИ. Примечательно, что закон особо подчеркивает значение именно нижнелужицкого языка [Gesetz 1994]. Однако, наличие подобного закона, разумеется, не создает языку престижного статуса. В работе Н. Доловы-Рыбинской «Языки и культуры европейских меньшинств: бретонцы, лужичане, кашубы» дается весьма глубокий анализ языковой ситуации, из которого можно вынести мысль о том, что сам регион, в котором распространены рассматриваемые языки, не является экономически благополучным и, ввиду этого, благоприятным для жизни, поэтому люди переезжают в другие регионы, где в силу необходимости общаются только на немецком. Таким образом, численность носителей падает: у людей сменивших место жительства нет ни мотивации, ни условий для передачи знания родного языка следующему поколению [Dołowy-Rybińska 2011: 98].

Очередной язык, документ о котором находится в свободном доступе – это резьянский. Удивительно, но для этого языка, в итальянском законодательстве отведено собственное место. 23 февраля 2001 года был издан «Закон о защите прав словенского языкового меньшинства региона Фриули — Венеция-Джулия». Данный документ обеспечивает носителям резьянского языка все те права и гарантирует все те меры по сохранению языка, которые перечислены в «Европейской хартии региональных языков» [Legge 2001]. Стоит обратить внимание на тот факт, что формулировка закона фокусируется именно на языке, а не национальности, так же как в Польше, в то время как германский закон регулирует права этнической

группы, в том числе на использование собственного языка. Примечательно, что для второго рассматриваемого нами в данном параграфе славянского языкового меньшинства, проживающего в Италии, отдельного закона нет, однако он находится под защитой «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» Совета Европы, действующей во всех интересующих нас странах.

Следующим языком, упомянутым в законодательном акте, является русинский язык в Сербии. Данный язык указан в списке официальных языков в Статуте автономного края Воеводины, наряду с другими распространенными на этой территории языками [Statut 2014]. А также в списке региональных языков Украины в «Законе Украины об основах государственной языковой политики» [Закон 2013]. В Словакии и Хорватии существуют «Закон о защите права лиц, принадлежащих к национальному меньшинству на использование собственного языка» и «Закон о правах национальных меньшинств» соответственно без уточнения языков, принадлежащих к этим категориям [Zakon 2002; Ochrana 2014]. Следует упомянуть, что в Словакии русинский язык находится в особом положении, такой вывод можно сделать исходя из того, что в Прешовском университете существует подразделение «Центр языков и культур национальных меньшинств», который предлагает программы обучения бакалавриата и магистратуры по специальности «Русинский язык и литература (преподавание)» [Пряшів]. Там же действует театр с постановками на русинском языке, существует печатное издание, русинский язык преподается в некоторых школах, а также русинский является языком богослужений в католических и православных церквях. Кстати, Словакия не единственная страна, в которой русинский язык преподается на академическом уровне. В Нови-Садском университете также доступна программа высшего профессионального образования по специальности «русинистика» [Нови-Сад]. В Польше защита лемковского диалекта русинского языка включена в «Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке»,

который определяет лемков как этническое меньшинство, и позволяет им изучать национальный язык в образовательных учреждениях, записывать имена собственные в документах на нем с транслитерацией на латинский алфавит, использовать свой язык в качестве вспомогательного в контактах с органами муниципальной власти и т. п. [Ustawa 2005] Данных о правовом статусе банатско-болгарского языка в Румынии и градищанско-хорватского в Австрии обнаружить не удалось. Эти государства ратифицировали «Европейскую хартию региональных языков» и «Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств». Однако, доподлинно известно, что в Вене существует «Хорватский культурный центр», который проводит мероприятия по поддержанию культуры. При центре существует библиотека [Hrvatski Centar].

Все описанные выше данные были сведены в таблицу 2 в приложении на 03, в которой языки расположены в порядке убывания численности носителей. В таблицу схематично внесены данные о степени контактов с носителями других славянских языков и наличии у языков какого-либо особого статуса. Сложно судить о причинах, по которым в данный момент у каждого из языков та или иная численность, поскольку для этого следовало бы также проанализировать исторические события на территориях расселения данных языковых общин и огромное множество другой информации. Однако кажется закономерным, что преимущество контактов со славянами и наличие официального статуса у языков с наибольшей численностью. Сложно также говорить о какой-либо закономерности в плане контактов с другими не славянскими языками. Действительно, численность говорящих на языках, которые находятся в германоязычной среде выше, чем численность тех, кто контактирует с носителями языков романской группы. Также до сведения данных в таблицу ожидалось увидеть связь между наличием и отсутствием задокументированного статуса у языка и страной, в которой он распространен. Так Германия и Австрия имеет репутацию стран привыкших следовать правилам, фиксировать их, а Италия и Румыния, в

особенности последняя, менее «обязательных». Однако можно видеть, что четкой взаимосвязи не прослеживается, хотя отсутствие данных по Румынским и Австрийским законам не означает их отсутствия в действительности, поэтому данный вывод нельзя считать точным.

Также напрашивается вывод о том, что кашубский язык, как, похоже, и русинский, на текущий момент, находится в наиболее выгодной позиции, по сравнению со всеми проанализированными славянскими микроязыками. Однако носители русинского языка не проживают вблизи друг от друга, что также может влиять на сохранение или замедление падения числа говорящих. Вероятно, что при таком положении вещей сохранить редкий язык как большую культурную ценность может удаваться весьма долго.

Заключение

В ходе работы над настоящим исследованием был проведен сбор материала по теме кашубского языка. Анализ работы именитых ученых, главным научным интересом которых можно считать кашубский язык и связанные с ним явления, наглядно иллюстрирует, что привело исследуемый миноритарный язык к положению и состоянию, в котором он находится на сегодняшний день. Кашубский язык, а это значит его носители, прошли нелегкий путь за последнее тысячелетие, подвергались германизации и полонизации, находились в подчиненном положении, вынуждены были подстраиваться под новые реалии, будучи передаваемы под владение то одного, то другого государства. Все описанные события истории кашубов иногда вызывают недоумение, ведь при таких условиях ассимиляция и потеря самобытности происходит достаточно быстрыми темпами. Разумеется, тот факт, что кашубы не сломались под натиском обстоятельств, вызывает глубокое уважение и восхищение маленьким, но верным себе народом.

Анализ рекомендаций по исследованию языков малых народов, изложенных в научной литературе, привел к выводу, что для полноты картины места миноритарного языка в ряду родственных ему языков имеет огромное значение и важность детальное рассмотрение языковой ситуации и выявление отношения к языку со стороны как его носителей, так и лиц, находящихся в контакте с носителями этих языков. В качестве наиболее интересного и показательного метода сбора такой информации был применен метод анкетирования с использованием возможностей, предоставляемых современными технологиями.

Описание языковых особенностей исследуемого языка выявило его особый статус для лингвистики и для культурного наследия человечества в целом. В процессе описания кашубского языка в лингвистическом аспекте были выявлены такие его черты, как архаичность, диалектная дробность,

большое содержание лексем, выражающих специфичные понятия, связи с другими славянскими языками.

Результаты анкетирования носителей кашубского языка и поляков, не принадлежащих к кашубской национальности, удалось прийти к некоторым выводам. Поляки высказывают в адрес национального меньшинства своей страны, как правило, нейтральное, но иногда и позитивное мнение. При этом сами кашубы чувствуют, что воспринимаемы поляками не только нейтрально или позитивно, но и в негативном ключе. Отношение поляков к языкам меньшинств в системе образования неоднозначно, но несколько более негативно, чем отношение самих представителей меньшинств. Основная масса опрошенных поляков не проявила какого-либо особого отношения к кашубам и не выделила его среди других национальных меньшинств. Кашубы также не проявили к самим себе более позитивного отношения в сравнении с другими группами. Степень контактов поляков с кашубами весьма низка, как и степень осведомленности о простейших статистических данных, касающихся кашубов и их языка. При этом сами кашубы, продемонстрировав более высокую степень владения информацией, также оказались не на 100% сведущи в тех же данных.

Анализ языковой ситуации кашубского языка и сравнение ее с ситуацией других славянских микроязыков помог выявить как негативные, так и позитивные факторы. Численность носителей кашубского языка является угрожающей, но выгодно отличается от численности других языков. Кашубы, как и в течение нескольких предыдущих веков, остаются билингвами, и престиж титульного языка не представляется растущим, однако для сохранения и культивирования кашубского языка и культуры предпринимаются весьма впечатляющие усилия, не только со стороны ангажированных лиц, но и со стороны государства, что крайне важно для сохранения и процветания малой нации.

Общее впечатление от всей информации, полученной в ходе исследования, складывается в неоднозначную картину вымирающего языка, для которого делается достаточно много с целью его сохранения. Кашубский язык, несомненно, занимает совершенно особое место в ряду славянских языков на всех уровнях оценки под любым углом.

Библиография:

1. Аврорин 1975 - Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Ленинград, 1975.
2. Ананьева 1994 - Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. Москва, 1994.
3. Беликов 2001 - Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. Москва, 2001.
4. Вахтин 2004 - Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. Санкт-Петербург, 2004.
5. Гильфердинг 1855 - Гильфердинг Л. История балтийских славян. Санкт-Петербург, 1855.
6. Гильфердинг 1862 - Гильфердинг Л. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. Санкт-Петербург, 1862.
7. Дуличенко 1981 - Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981.
8. Дуличенко 2005 - Дуличенко А. Д. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки. Москва, 2005.
9. Ермола 1983 - Ермола В. И. Кашубская фразеология: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1983.
10. Матвеев 1969 - История южных и западных славян / под редакцией Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. Москва, 1969.
11. Касаткин 2005 - Русская Диалектология / под редакцией Л. Л. Касаткина. Москва, 2005.
12. Селищев 1941 - Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. 1: Западнославянские языки. Москва, 1941.
13. Швейцер 1978 - Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социоллингвистику. Москва, 1978.
14. Эрки 1998 - Эрки А. Введение в социологию (Перевод Аалтои М., Саари П). Санкт-Петербург, 1998.

15. AJK'64-78 – Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich / pod kier. Z. Stiebera. Wrocław, 1964-1978.
16. Borszczykowski 2010 - Borszczykowski J. Antropologia Kaszub i Pomorza. Gdańsk, 2010.
17. Borszczykowski 1999 - Borszczykowski J., Mordawski J., Treder J. Historia, geografia, język i piśmiennictwo Kaszubów. Gdańsk, 1999.
18. Borzyszkowski 2015 - Borzyszkowski J. Historia Kaszubów. Gdańsk, 2015.
19. Breza 1991 - Breza E. Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1991.
20. Breza 2001 - Breza E., Szultka Z. Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Kaszubszczyzna. Opole, 2001.
21. Dołowy-Rybińska 1981 - Dołowy-Rybińska N. Języki i kultury mniejszościowe w Europie: Bretończycy, Łużycanie, Kaszubi. Warszawa, 2011.
22. Ickiewicz 1981 - Ickiewicz K. Kaszubi w Kanadzie. Gdańsk, 1981.
23. Kwaśniewska 2009 - Kwaśniewska A. Badania etnologiczne na Kaszubach i Pomorzu Wschodnim w XIX i XX ww. Gdańsk, 2009.
24. Labuda 2006 - Labuda G. Historia Kaszubów w dziejach Pomorza. Gdańsk, 2006.
25. Labuda 1996 - Labuda G. Kaszubi i ich dzieje. Gdańsk, 1996.
26. Majkowski 1938 - Majkowski A. Historia Kaszubów. Gdynia, 1938.
27. Mordawski 2005 - Mordawski J. Statystyka ludności kaszubskiej: Kaszubi u progu XXI wieku. Gdańsk, 2005.
28. Obracht-Prondzyński 2004 - Obracht-Prondzyński C. Bibliografia do studiowania spraw kaszubsko-pomorskich. Gdańsk, 2004.
29. Obracht-Prondzyński 2006 - Obracht-Prondzyński C. Dziesięć lat pracy Instytutu Kaszubskiego. Gdańsk, 2006.
30. Obracht-Prondzyński 2009 - Obracht-Prondzyński C. Kaszubi a Gdańsk: Kaszubi w Gdańsku. Gdańsk, 2009.

31. Obracht-Prondzyński 2002 - Obracht-Prondzyński C. Kaszubi: między dyskryminacją a regionalną podmiotowością. Gdańsk, 2002.
32. Obracht-Prondzyński 2008 - Obracht-Prondzyński C. Kaszubskich pamiątek skarbnice: o muzeach na Kaszubach - ich dziejach, twórcach i funkcjach społecznych. Gdańsk, 2008.
33. Obracht-Prondzyński 2007 - Obracht-Prondzyński C. Kaszubi dzisiaj: Kultura – Język – Tożsamość. Gdańsk, 2007.
34. Plišková 2008 - Plišková A. Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008.
35. Popowska-Taborska 1961 - Popowska-Taborska H. Centralne zagadnienie wokalizmu kaszubskiego (kaszubska zmiana $\epsilon > i$ oraz $\check{i}, y, \check{u} > \ddot{e}$). Wrocław, 1961.
36. Popowska-Taborska 1980 - Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna: zarys dziejów. Warszawa, 1980.
37. Popowska-Taborska 1996 - Popowska-Taborska H. Leksyka kaszubska na tle słowiańskim. Warszawa, 1996.
38. Popowska-Taborska 1986 - Popowska-Taborska H. Szkice z kaszubszczyzny: dzieje, zabytki, słownictwo. Gdańsk, 1986.
39. Stieber 1999 - Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1999.
40. Szultka 1994 - Szultka Z. Piśmiennictwo polskie i kaszubskie Pomorza Zachodniego od XVI do XIX wieku. Gdańsk, 1994.
41. Szultka 1993 - Szultka Z. Studia nad rodowodem i językiem Kaszubów. Gdańsk, 1993.
42. Treder 2005 - Treder J. Historia kaszubszczyzny literackiej. Gdańsk, 2005.
43. Treder 1981 - Treder J., Breza E. Gramatyka kaszubska: Zarys popularny. Gdańsk, 1981.
44. Treder 2001- Treder J. Czynniki Aktywizujące rozwój kaszubszczyzny literackiej dziś // Acta cassubiana III. Gdańsk, 2001.

Статьи:

45. Бодуэн 1897 - Бодуэн де Куртенэ И. А. «Кашубский язык», кашубский народ и «кашубский вопрос» // ЖМНП, ч. 310, март – апрель, С. 306–357; ч. 311, май – июнь. С. 83–126. Санкт-Петербург, 1897.

46. Жовтобрюх 2005 - Жовтобрюх М. А., Молдаван А. М. Восточнославянские языки. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. Москва, 2005. С. 515-545

47. Маслов 2005 - Маслов Ю. С. Болгарский язык // Языки мира. Славянские языки. Москва, 2005. С. 69-102.

48. Романчик 2003 - Романчик Э. И. А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский языковой вопрос // 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Tartu, 2003. С. 119-138.

49. Чарский - Чарский В. В. О проблемах и перспективах русинского языка / русинских языков // РГГУ, институт Филологии и Истории, Кафедра славистики и центральноевропейских исследований. URL: <http://www.slavcenteur.ru/Proba/micro/Charskiy.pdf> (Дата обращения: 12.07.2016).

50. Широкова 1990 - Широкова А. Г. Словацкий язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под. Ред. Ярцевой В. Н. Москва 1990. С. 351-353.

51. Широкова 1990 - Широкова А. Г. Чешский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под. Ред. Ярцевой В. Н. Москва 1990. С. 581-585.

52. Шустер-Шевц 1976 - Шустер-Шевц Х. Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // Вопросы языкознания. Москва, 1976. С. 70-86.

53. Krauss 1992 - Krauss M. The world's Languages in Crisis // Language. Vol. 68. Chicago, 1992. P. 30-43.

54. Mastalerz-Krystjańczuk 2003 - Mastalerz-Krystjańczuk M. Kaszubi-Słowińcy w świetle publicystyki polskiej z lat 1945-1959 // Słupskie Studia Historyczne. T. 10. Słupsk, 2003. S. 203-226.

55. Popowska-Taborska 1995 - Popowska-Taborska H. Pewna pozorną zbieżność kaszubsko-bułgarska // Dialectologia slavica: Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. Москва, 1995. С. 72-74.

56. Nasze Kaszuby - Rada Języka Kaszubskiego rozpoczyna działalność // Nasze Kaszuby. URL: <http://www.naszekaszuby.pl/modules/news/print.php?storyid=1249> (Дата обращения: 02.03.2016).

57. Treder 57 - Treder J. Kaszubi, ich mowa i kultura // Rastkò-Kaszëbë. URL: <http://www.rastko.net/rastko-ka/content/view/5/26/> (Дата обращения: 11.04.2016).

58. Treder 58 - Treder J. Kaszubszczyzna. Charakterystyka kaszubszczyzny. Dialekty i gwary polskie // Kompendium internetowe pod redakcją Haliny Karaś. URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=kaszubszczyzna&l2=kaszubszczyzna-charakterystyka> (Дата обращения: 24.04.2016).

59. Treder 59 - Treder J. Leksykon kaszubski. Dialekty i gwary polskie // Kompendium internetowe pod redakcją Haliny Karaś. URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=leksykon-kaszubski&lid=1145> (Дата обращения: 15.05.2016).

60. Zieniukowa 2009 - Zieniukowa J. Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku // Etnolingwistyka. Nr 21. Warszawa, 2009. S. 259-270.

Документы:

61. Закон 2013 - Закон України про засади державної мовної політики // Відомості Верховної Ради, № 23, ст. 218, 2013 р. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/5029-17?test=4/UMfPEGznhhcS7.Zi91foVvHI4/ks80msh8Ie6> (Дата обращения: 02.03.2016).

62. Попис 2011 - Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. URL: http://popis2011.stat.rs/?page_id=1077 (Дата обращения: 06.11.2016).

63. Пряшів - Пропозиція навчальних програм Пряшівського університету у Пряшеві. URL: <https://www.unipo.sk/vzdelavanie/zah> (Дата обращения: 12.02.2017).

64. Перепись 2011 - Результаты переписи населения 2011 г. в Румынии. URL: <http://www.recensamantromania.ro/rezultate-2/> (Дата обращения: 12.02.2017).

65. Перепис 2001 - Чисельність осіб окремих етнографічних груп українського етносу та їх рідна мова // Всеукраїнський перепис населення 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/regions/select_reg5/?box=5.5W&data1=1&rz=1_1&rz_b=2_1&data=1&bottom=cens_db&k_t=00 (Дата обращения: 07.03.2017).

66. Matura - Egzamin maturalny z języka kaszubskiego (poziom rozszerzony). URL: <http://www.dlamaturzysty.info/s/1625/36234-Matura-arkusze-maturalne.htm?c1=101485> (Дата обращения: 18.12.2016).

67. Charter 1992 - European Charter for Regional or Minority Languages 5.11.1992 Strasbourg.

68. Gesetz 1994 - Gesetz zur Ausgestaltung der Rechte der Sorben (Wenden) im Land Brandenburg (Sorben [Wenden] - Gesetz - SWG) vom 7. Juli 1994 (GVBl.I/94, [Nr.21], S.294).

69. Legge 2001 - Legge 23 febbraio 2001, n. 38 Norme a tutela della minoranza linguistica slovena della regione Friuli - Venezia Giulia (Pubblicata sulla Gazzetta Ufficiale n.56 dell'8 marzo 2001).

70. Ochrana - Ochrana práv osôb patriacich k národnostnej menšine na používanie jazyka menšiny. URL: <http://www.narodnostnemensiny.gov.sk/8452/ochrana-prav-osob-patriacich-k-narodnostnej-mensine-na-pouzivanie-jazyka-mensiny/> (Дата обращения: 10.05.2016).

71. Statut 2014 - Statut Autonomne pokrajine Vojvodine ("Sl. list AP Vojvodine", br. 20/2014).

72. NSP 2011 - Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski - NSP 2011. URL: <http://stat.gov.pl/spisy-powszechn/nsp-2011/nsp-2011-wyniki/struktura-narodowo-etniczna-jezykowa-i-wyznaniowa-ludnosci-polski-nsp-2011,22,1.html> (Дата обращения: 06.11.2016).

73. Zakon 2002 - Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina Zagreb, 19. prosinca 2002.

74. Ustawa 2005 - Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym. Dz. U. 2005 nr 17 poz. 141.

75. Volkszählung 2011 - Volkszählung bildungsstand der bevölkerung herausgegeben von statistik Austria 2011 URL: http://www.statistik.at/web_de/nomenu/suchergebnisse/index.html (Дата обращения: 2.03.2016).

Электронные ресурсы:

76. Атлас ЮНЕСКО - Атлас языков под угрозой вымирания ЮНЕСКО. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (Дата обращения: 10.01.2017).

77. Государственная служба статистики Италии - <https://www.istat.it>.

78. Государственная служба статистики Словакии - <https://www.portal.statistics.sk>.

79. Отделение Русинистики в Нови-Садском Университете URL: http://www.ff.uns.ac.rs/fakultet/odseci/fakultet_odseci_rusinistika.html (Дата обращения: 05.03.2017).

80. Сайт министерства образования Польши - <https://men.gov.pl>

81. Dziennik Bałtycki - <http://www.dziennikbałtycki.pl>

82. Ethnologue - <https://www.ethnologue.com/>

83. Gazeta Wyborcza, - <http://www.wyborcza.pl>

84. Gazeta Kartuska - <http://www.gazetakartuska.pl>

85. Gazeta Kaszubska - <http://www.gazetakaszubska.pl>

86. Hrvatski Centar - <http://www.hrvatskicentar.at/>

87. Miesięcznik „Pomerania” - <http://www.miesiecznikpomierania.pl>
88. Radio Kaszebe - <http://radiokaszebe.pl/>
89. Rekrutacja na kierunek „Etnofilologia kaszubska” Uniwersytetu Gdańskiego w 2016 roku. URL: http://ug.edu.pl/rekrutacja/studia/kierunki_studiow/20162017/etnofilologia_kaszubska-stacjonarne-i_stopnia (Дата обращения: 04.03.2017).
90. Rzeczpospolita – <http://www.rp.pl>
91. Wprost – <http://www.wprost.pl>

Приложения

Таблица 1. Диалектная дробность некоторых славянских языков.

Язык	Группа	Статус	Примерная численность носителей	Примерное количество диалектов
Украинский	Восточнославянская	Государственный	48,5 млн	14
Чешский	Западнославянская	Государственный	10,5 млн.	13
Болгарский	Южнославянская	Государственный	7 млн	40
Словацкий	Западнославянская	Государственный	5,5 млн.	30
Словенский	Южнославянская	Государственный	2 млн	50
Кашубский	Западнославянская	Миноритарный	108 тыс.	50
Лужицкие	Западнославянская	Миноритарный	27 тыс.	17
Русинские	Восточнославянская	Миноритарный	80 тыс.	3

Анкета 1. Анкета для лиц польской национальности, направленная на исследование восприятия кашубского языка.

1. Ile masz lat?
2. Jakie masz wykształcenie?
 - Wyższe
 - Średnie
 - Zawodowe
 - Studiuję
3. Twój zawód/kierunek studiów?
4. Skąd pochodzisz?
5. Gdzie mieszkasz?
6. Jak sądzisz, skąd przeciętny Polak dowiaduje się o istnieniu języka kaszubskiego (językach mniejszościowych w ogóle)?
 - Ze szkoły
 - Z mediów
 - Z opowiadań rodziców o kraju/regionie
 - Nie słyszałem o tym języku
 - Własna odpowiedź _____
7. Czy uważasz język kaszubski za język, czy za dialekt języka polskiego?
 - język
 - dialekt
 - nie wiem

8. W obecnej chwili kaszubszczyzna posiada status języka regionalnego. Ile twoim zdaniem jest języków regionalnych w Polsce?

- 1
- 2
- 3
- 5
- 10
- Ponad 10

9. Czy uważasz Kaszubów za odrębną narodowość czy grupę etniczną narodu polskiego?

- naród
- grupa etniczna
- nie wiem

10. Czy słyszałeś kiedyś jak brzmi język kaszubski?

TAK

11. Na ile to, co słyszałeś? Było zrozumiałe?

- 1 – rozumiałem wszystko, każde słowo
- 2 – nie rozumiałem kilku słów, ale domyślałem się co oznaczały z kontekstu
- 3 – rozumiałem połowę słów, więc wiem o co chodziło w tekście, ale bez szczegółów
- 4 – rozumiałem kilka słów i mogę się domyśleć o co chodziło, ale mogę się mylić
- 5 – rozumiałem kilka słów, ale nie wystarczy, by zrozumieć, o co chodziło
- 6 – nie rozumiałem ani słowa

12. Jeżeli na 10 pytanie odpowiedziałeś TAK:
Czy podoba ci się ten język?

- Brzmi ładnie
- Brzmi śmiesznie
- Brzmi brzydko
- Brzmi głupio
- Język nie może się podobać czy nie podobać.
- Własna odpowiedź _____

NIE

Jak sądzisz, na ile brzmienie tego języka byłoby dla ciebie zrozumiałe?

- 1 – rozumiałbym wszystko, każde słowo
- 2 – nie rozumiałbym kilku słów, ale domyślałbym się co oznaczały z kontekstu
- 3 – rozumiałbym połowę słów, więc wiedziałbym o co chodziło w tekście, ale bez szczegółów
- 4 – rozumiałbym kilka słów i mógłbym się domyśleć o co chodziło, ale mógłbym się mylić
- 5 – rozumiałbym kilka słów, ale nie wystarczyłoby tego dla zrozumienia tematu tekstu
- 6 – nie rozumiałbym ani słowa

13. Czy próbowałeś czytać tekst w języku kaszubskim?

TAK

NIE

14. Na ile był zrozumiały?

- 1 – rozumiałem wszystko, każde słowo
- 2 – nie rozumiałem kilku słów, ale domyślałem się co oznaczały z kontekstu
- 3 – rozumiałem połowę słów, więc wiem o co chodziło w tekście, ale bez szczegółów
- 4 – rozumiałem kilka słów i mogę się domyśleć o co chodziło, ale mogę się mylić
- 5 – rozumiałem kilka słów, ale nie wystarczy, by zrozumieć o co chodziło
- 6 – nie rozumiałem ani słowa

Jak sądzisz, na ile tekst pisemny w tym języku byłby dla ciebie zrozumiały?

- 1 – rozumiałbym wszystko, każde słowo
- 2 – nie rozumiałbym kilku słów, ale domyślałbym się co oznaczały z kontekstu
- 3 – rozumiałbym połowę słów, więc wiedziałbym o co chodziło w tekście, ale bez szczegółów
- 4 – rozumiałbym kilka słów i mógłbym się domyśleć o co chodziło, ale mógłbym się mylić
- 5 – rozumiałbym kilka słów, ale nie wystarczyłoby tego dla zrozumienia tematu tekstu
- 6 – nie rozumiałbym ani słowa

15. Co sądzisz o nauce języków mniejszościowych w szkołach?

- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać, ale tylko fakultatywnie
- Można nauczać języków mniejszościowych w klasach, do których chodzą tylko dzieci z danej mniejszości
- Można nauczać języków mniejszościowych w szkołach
- Koniecznie trzeba nauczać języków mniejszościowych w szkołach
- nie wiem

16. Co sądzisz o wykładaniu innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach?

- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych
- Koniecznie trzeba nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach
- Nie wiem

17. Co sądzisz o maturze z języka mniejszościowego/w języku mniejszościowym?

- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
- Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
- To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli jakiejkolwiek mniejszości narodowej lub etnicznej
- Nie wiem

18. Czy uważasz, że języki mniejszościowe mogą być kierunkiem studiów?

- tak
- nie
- nie wiem

19. Czy uważasz, że język kaszubski powinien być nauczany w szkołach?

- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać, ale tylko fakultatywnie

- Można nauczać kaszubszczyzny w klasach, do których chodzą tylko dzieci narodowości kaszubskiej
 - Można nauczać kaszubszczyzny w szkołach
 - Koniecznie trzeba nauczać kaszubszczyzny w szkołach
 - nie wiem
- 20.** Co sądzisz o wykładaniu innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach?
- To jest absolutnie niedopuszczalne
 - Można nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim
 - Koniecznie trzeba nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach
 - Nie wiem
- 21.** Co sądzisz o maturze z języka kaszubskiego/w języku kaszubskim?
- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
 - Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
 - To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli narodowości kaszubskiej
 - Nie wiem
- 22.** Czy uważasz, że język kaszubski może być kierunkiem studiów?
- tak
 - nie
 - nie wiem
- 23.** Jak sądzisz, ile osób mówi w języku kaszubskim?
- Mniej niż jeden tysiąc
 - Kilka tysięcy
 - Kilkanaście tysięcy
 - Kilkadziesiąt tysięcy
 - 100 tys. - 500 tys.
 - 500 tys.- 1 milion
 - Ponad 1 milion
 - Kilka milionów
- 24.** Czy masz znajomych, którzy mówią w języku kaszubskim.
- Tak, jednego
 - Tak, więcej niż jednego
 - Nie
 - mam znajomych z Kaszub, ale nie wiem, czy mówią po kaszubsku
 - mam znajomych, uważających siebie za Kaszubów, ale nie wiem, czy mówią po kaszubsku
- 25.** Czy masz jakąś opinię o języku kaszubskim?
- Nie
 - Uważam _____

Анкета 2. Анкета для носителей кашубского языка, направленная на исследование восприятия своего языка и языковой ситуации.

- 1.** Ile ma Pan(i) lat?
- 2.** Jakie ma Pan(i) wykształcenie?
 - Wyższe
 - Średnie
 - Zawodowe
 - Studiuję
- 3.** Pana(i) zawód/kierunek studiów?
- 4.** Skąd Pan(i) pochodzi? (miasto, gmina, powiat)
- 5.** Gdzie Pan(i) mieszka? (miasto, gmina, powiat)

- 6.** Czy mówi Pan(i) w języku kaszubskim? Jak ocenia Pan(i) swój poziom znajomości języka mówionego?
- Tak, trochę mówię
 - Tak, doskonale mówię
 - Nie mówię, ale doskonale rozumiem
 - Nie mówię, ale trochę rozumiem
 - Własna odpowiedź _____
- 7.** Gdzie się Pan(i) nauczył(a) rozmawiać/rozumieć po kaszubsku? Jakie miejsce język kaszubski zajmuje w Pana(i) życiu? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)
- Rodzice/dziadkowie mówią po kaszubsku do siebie i do dzieci/wnuczków, ale młodsze pokolenie używa w domu tylko polskiego
 - Rodzice/dziadkowie mówią po kaszubsku do siebie, ale do dzieci/wnuczków po polsku
 - Wszyscy w domu mówią do siebie po kaszubsku, w tym młodsze pokolenie
 - Koledzy/rówieśnicy na podwórku mówili do mnie po kaszubsku, a ja do nich po polsku
 - Mówiliśmy do siebie po kaszubsku z kolegami/rówieśnikami na podwórku
 - W przedszkolu
 - Nie znam kaszubskiego z domu, albo podwórka, ale uczyłem się go w szkole
 - Uczyłem się kaszubskiego w szkole i na studiach
 - Znam język tylko ze studiów
 - Własna odpowiedź _____
- 8.** W jakiej sytuacji Pan(i) potrafi wypowiedzieć się po kaszubsku? ? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)
- W domu
 - W nieformalnej rozmowie, z przyjaciółmi itd.
 - W sklepie, kasie biletowej, lokalu itd.
 - Na zajęciach w szkole lub na uczelni itd.
 - W pracy w swoim zawodzie
 - W sytuacji oficjalnej, w urzędzie itd.
 - W sytuacji przemówienia publicznego
 - Uważam, że w każdej
 - W żadnej
 - W innej(ych) sytuacji(ach) (proszę wymienić) _____
- 9.** Czy pisze Pan(i) w języku kaszubskim?
- Tak, potrafię zapisać to, co słyszę
 - Tak, mogę samodzielnie ułożyć tekst, list, podanie i t.p.
 - Nie, ale doskonale rozumiem tekst pisany
 - Nie, ale trochę rozumiem tekst pisany
 - Własna odpowiedź _____
- 10.** Gdzie się Pan(i) nauczył(a) pisać/czytać po kaszubsku? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)
- W domu
 - W przedszkolu
 - W szkole
 - Na studiach
 - Samodzielnie z podręczników (proszę wymienić, jeżeli to możliwe) _____
 - Własna odpowiedź _____
- 11.** Czy Pan(i) czyta prasę, literaturę piękną, ogląda TV, słucha radia w języku kaszubskim? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)
- Czytam literaturę piękną (jak często?) _____
 - Czytam prasę (jak często, co właśnie?) _____
 - Oglądam programy telewizyjne (jak często, co właśnie?) _____
 - Słucham radia (jak często, co właśnie?) _____

- Czytam artykuły, oglądam wideo, słucham piosenek w internecie (jak często?) _____
 - Coś jeszcze (proszę wymienić) _____
- 12.** W jakiej sytuacji Pan(i) zazwyczaj używa języka kaszubskiego? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)
- W domu
 - W nieformalnej rozmowie, z przyjaciółmi itd.
 - W sklepie, kasie biletowej, lokalu itd.
 - Na zajęciach w szkole lub na uczelni itd.
 - W pracy
 - W sytuacji oficjalnej, w urzędzie itd.
 - Zawsze mówię tylko po kaszubsku
 - W żadnej
 - W innej(ych) sytuacji(ach) (proszę wymienić) _____
- 13.** Proszę spróbować opisać reakcję innych (polskojęzycznych, obcych) ludzi na brzmienie języka kaszubskiego. Np.: śmiech, zdziwienie, pogarda, zainteresowanie, obojętność, coś jeszcze?
- 14.** Od jakiego momentu zaczął(ęła) Pan(i) uczyć się polskiego?
- W domu od urodzenia mówiono do mnie po polsku
 - Od rówieśników na podwórku w wieku ____
 - Z przedszkola
 - Z telewizji i książek
 - Dopiero w szkole podstawowej
 - Własna odpowiedź _____
- 15.** Jak Pan(i) sądzi, skąd przeciętny Polak dowiaduje się o istnieniu języka kaszubskiego (językach mniejszościowych w ogóle)?
- Ze szkoły
 - Z mediów
 - Z opowiadań rodziców o kraju/regionie
 - Własna odpowiedź _____
- 16.** W obecnej chwili kaszubszczyzna posiada status języka regionalnego. Ile Pana(i) zdaniem (nie pytając Google'a) jest języków regionalnych w Polsce?
- 1
 - 2
 - 3
 - 5
 - 10
 - Ponad 10
- 17.** Jak Pan(i) sądzi (nie pytając Google'a), ile osób mówi w języku kaszubskim?
- Mniej niż jeden tysiąc
 - Kilka tysięcy
 - Kilkanaście tysięcy
 - Kilkadziesiąt tysięcy
 - 100 tys. - 500 tys.
 - 500 tys.- 1 milion
 - Ponad 1 milion
 - Kilka milionów
- 18.** Czy uważa Pan(i) język kaszubski za język, czy za dialekt języka polskiego?
- język
 - dialekt
 - nie wiem
- 19.** Czy uważa Pan(i) Kaszubów za odrębną narodowość czy grupę etniczną narodu polskiego?
- naród
 - grupa etniczna

- nie wiem
- 20.** Czy podoba się Panu(i) język kaszubski?
- Brzmi ładnie
 - Brzmi śmiesznie
 - Brzmi brzydko
 - Brzmi głupio
 - Język nie może się podobać czy nie podobać.
 - Własna odpowiedź _____
- 21.** Co sądzi Pan(i) o nauce języków mniejszościowych w szkołach?
- To jest absolutnie niedopuszczalne
 - Można nauczać, ale tylko fakultatywnie
 - Można nauczać języków mniejszościowych w klasach, do których chodzą tylko dzieci z danej mniejszości
 - Można nauczać języków mniejszościowych w szkołach
 - Koniecznie trzeba nauczać języków mniejszościowych w szkołach
 - Nie wiem
- 22.** Co sądzi Pan(i) o wykładaniu innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach?
- To jest absolutnie niedopuszczalne
 - Można nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych
 - Koniecznie trzeba nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach
 - Nie wiem
- 23.** Co sądzi Pan(i) o maturze z języka mniejszościowego/w języku mniejszościowym?
- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
 - Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
 - To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli jakiejkolwiek mniejszości narodowej lub etnicznej
 - Nie wiem
- 24.** Czy uważa Pan(i), że języki mniejszościowe mogą być kierunkiem studiów?
- tak
 - nie
 - nie wiem
- 25.** Czy uważa Pan(i), że język kaszubski powinien być nauczany w szkołach?
- To jest absolutnie niedopuszczalne
 - Można nauczać, ale tylko fakultatywnie
 - Można nauczać kaszubszczyzny w klasach, do których chodzą tylko dzieci narodowości kaszubskiej
 - Można nauczać kaszubszczyzny w szkołach
 - Koniecznie trzeba nauczać kaszubszczyzny w szkołach
 - Nie wiem
- 26.** Co sądzi Pan(i) o wykładaniu innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach?
- To jest absolutnie niedopuszczalne
 - Można nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim
 - Koniecznie trzeba nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach
 - Nie wiem
- 27.** Co sądzi Pan(i) o maturze z języka kaszubskiego/w języku kaszubskim?
- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
 - Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
 - To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli narodowości kaszubskiej
 - Nie wiem
- 28.** Czy uważa Pan(i), że język kaszubski może być kierunkiem studiów?
- tak

- nie
 - nie wiem
29. Co Pan(i), jako użytkownik języka mniejszościowego, sądzi o języku polskim (w ogóle i w edukacji)?
- _____
30. Tu można dodać komentarz, jeżeli ma Pan(i) coś do powiedzenia na temat języka kaszubskiego.
- _____

Рисунок 1. Карта, иллюстрирующая охват территорий, уроженцы и жители которых были задействованы в анкетировании.

Рисунок 2. Диаграмма, представляющая уровень образования опрашиваемых поляков (слева) и кашубов (справа).

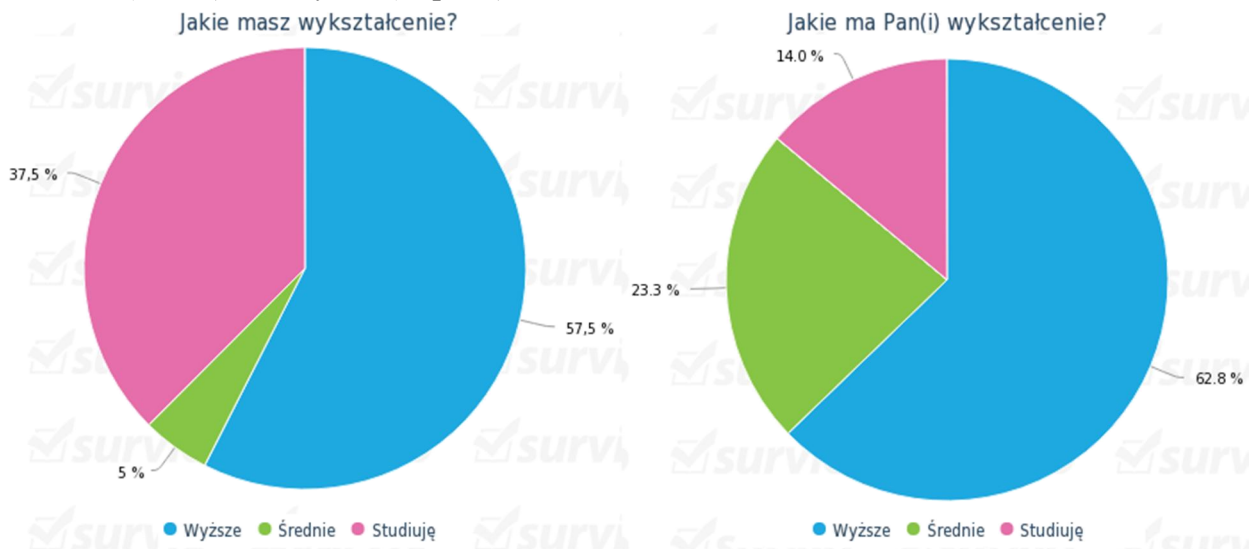
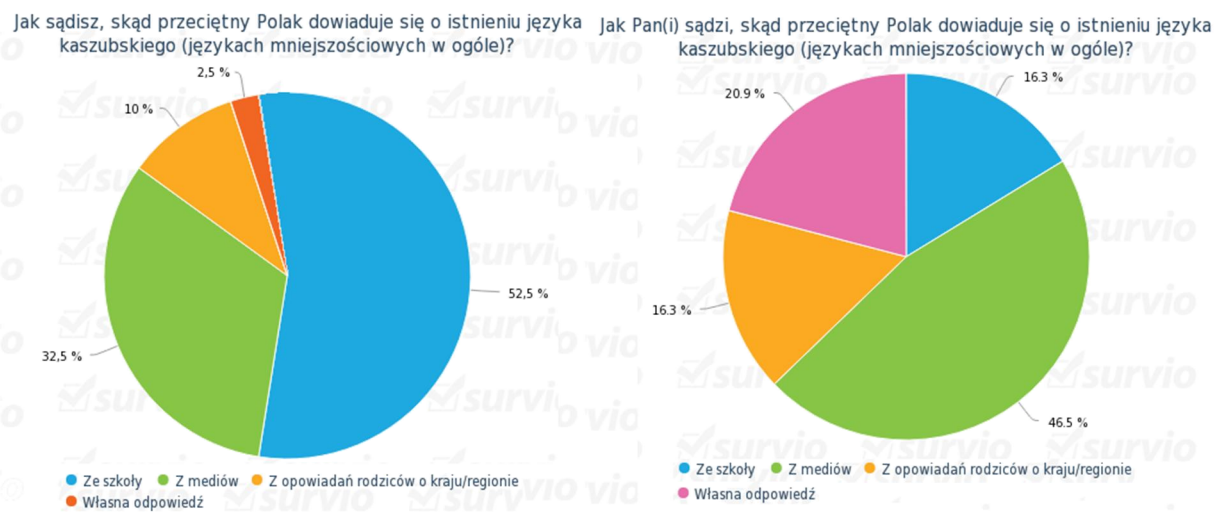

Рисунок 3. Диаграмма, представляющая распределение ответов поляков (слева) и кашубов (справа) на вопрос об источнике знания поляков о кашубах.

Некоторые наиболее интересные версии кашубов об источнике знания о них:

Респондент №5: „Przeciętny Polak nic nie wie o Kaszubach, ponieważ polskie media mają nieformalny zakaz mówienia na ten temat”.

Респондент №34: „wcale nie wie”.

Респондент №32: „podejrzewam, że ze szkoły, ale jest to wiedza bardzo okrojona”.

Рисунок 4. Диаграммы, представляющие осведомленность поляков и кашубов о количестве региональных языков (сверху) и количестве носителей кашубского языка(снизу).

W obecnej chwili kaszubszczyzna posiada status języka regionalnego. Ile twoim zdaniem jest języków regionalnych w Polsce? W obecnej chwili kaszubszczyzna posiada status języka regionalnego. Ile Pana(i) zdaniem jest języków regionalnych w Polsce?

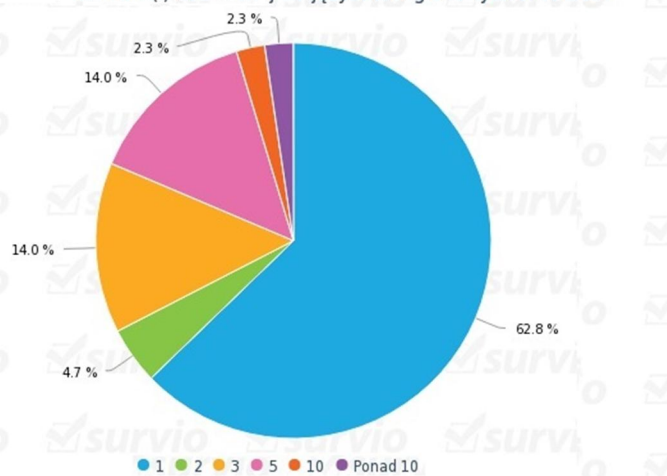
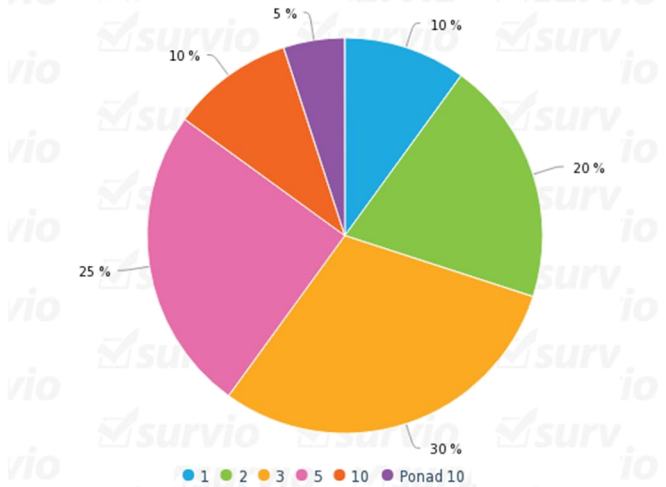
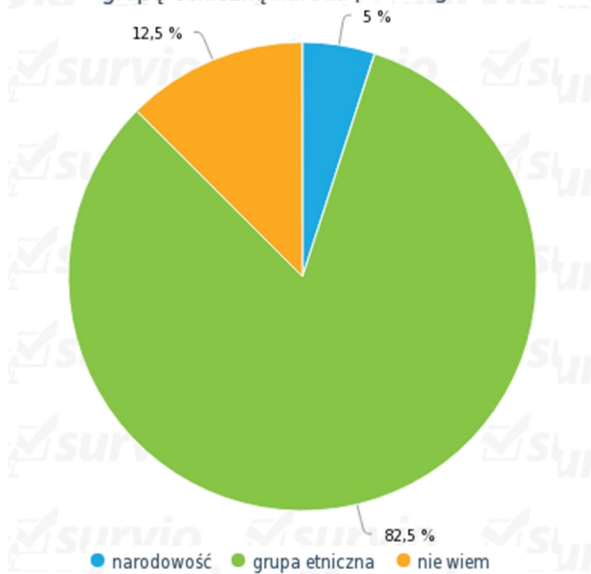
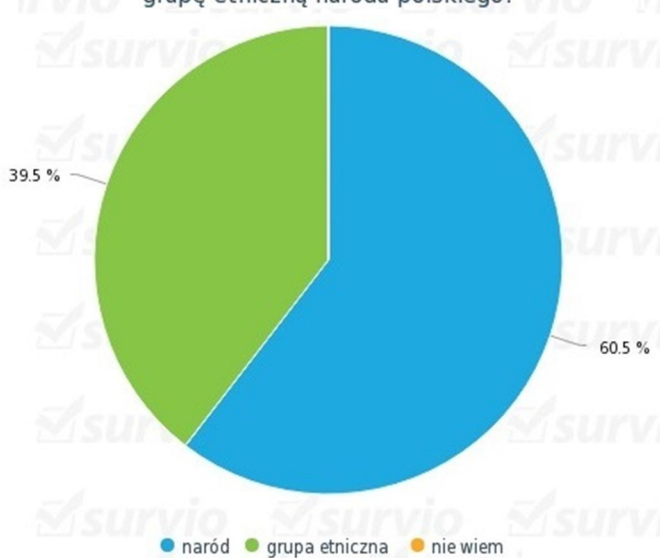

Рисунок 5. Диаграммы, демонстрирующие ответы поляков и кашубов на вопросы о языке/диалекте(сверху), народе/этнической группе(снизу).

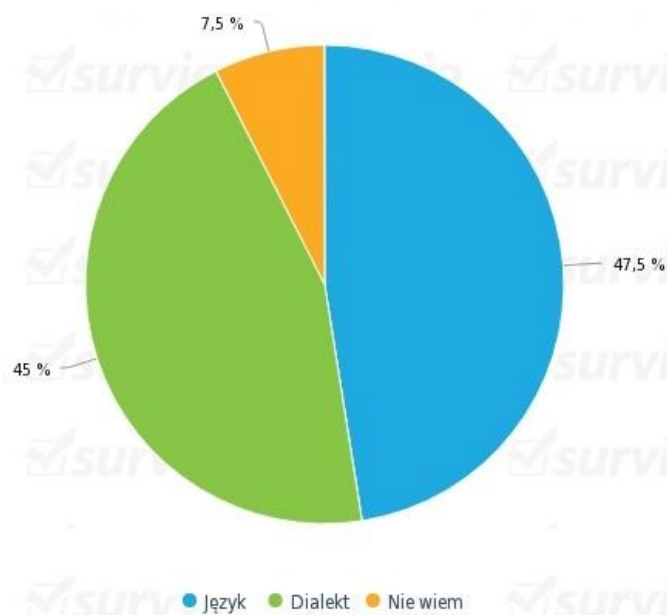
Czy uważasz Kaszubów za odrębną narodowość czy grupę etniczną narodu polskiego?

Czy uważa Pan(i) Kaszubów za odrębną narodowość czy grupę etniczną narodu polskiego?

Czy uważasz język kaszubski za język, czy za dialekt języka polskiego?

Czy uważa Pan(i) język kaszubski za język, czy za dialekt języka polskiego?

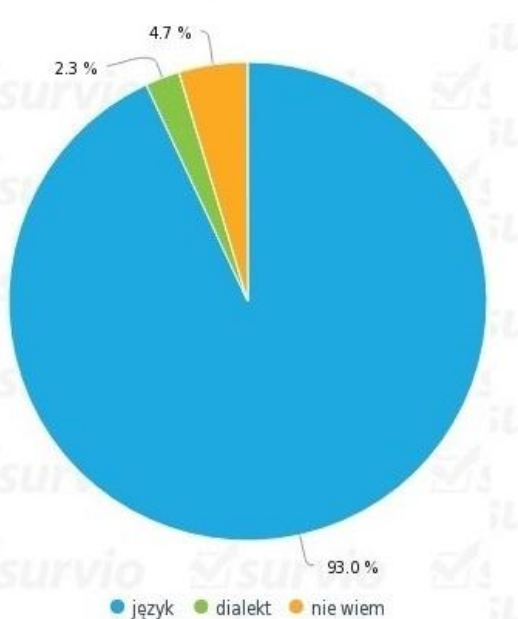

Рисунок 6. Диаграммы, представляющие частотность контактов с кашубским языком устной и письменной форме, и носителями кашубского языка.

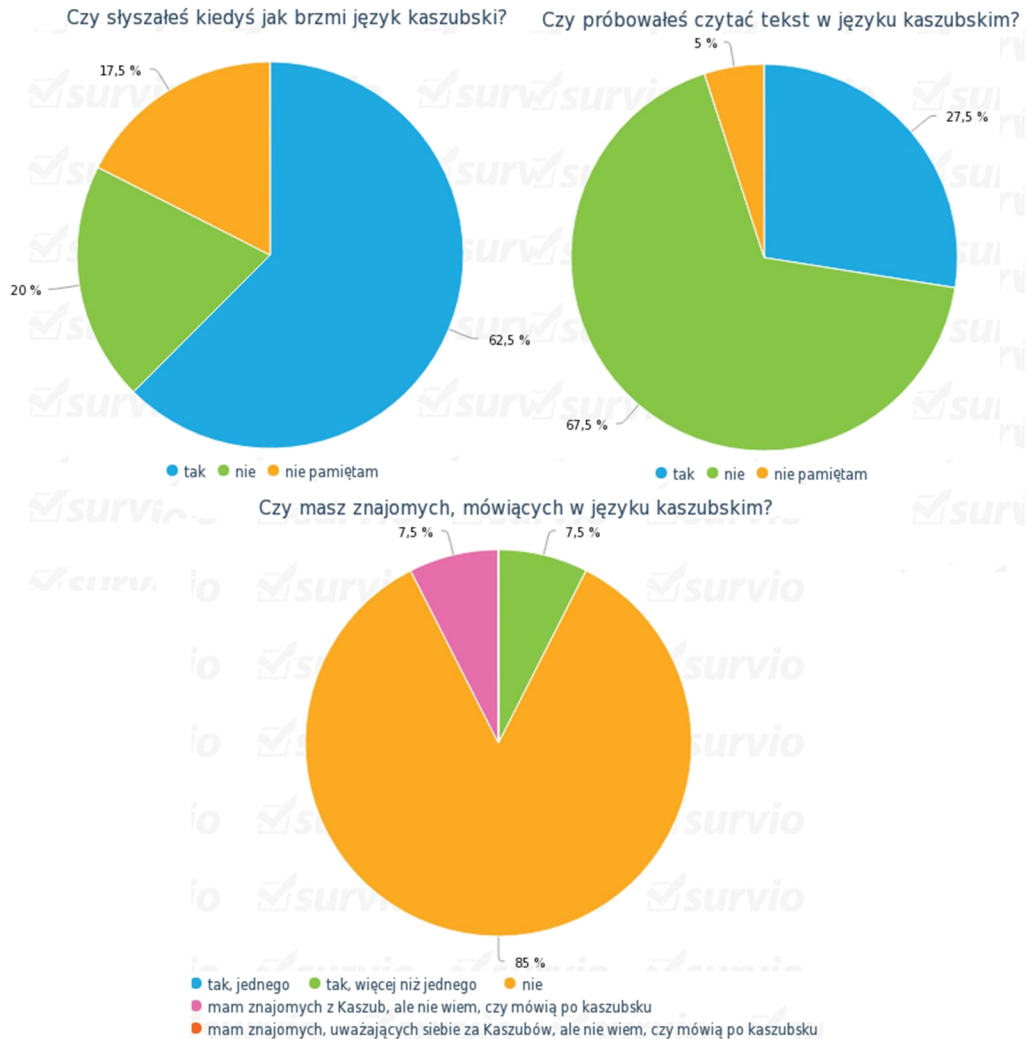

Рисунок 7. Диаграмма, представляющая степень понятности кашубского языка для людей, имевших контакт с кашубским языком в устной (слева) и письменной (справа) формах.

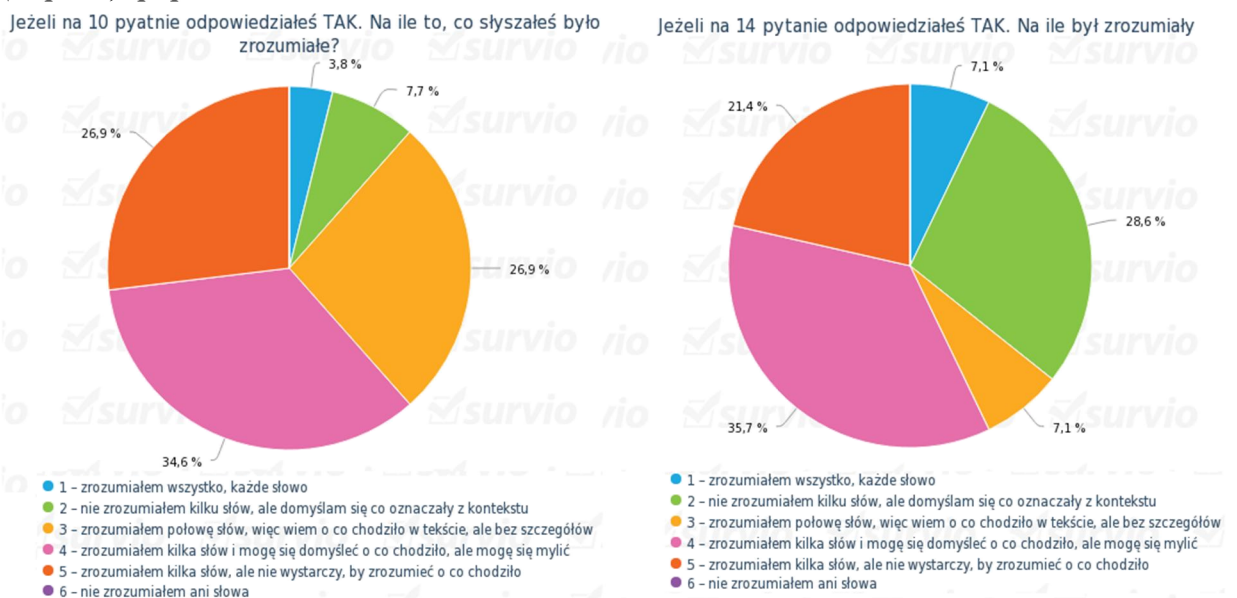

Рисунок 8. Диаграмма, представляющая предположение о степени понятности кашубского языка для людей, не имевших контакта с кашубским языком в устной (слева) и письменной (справа) формах.

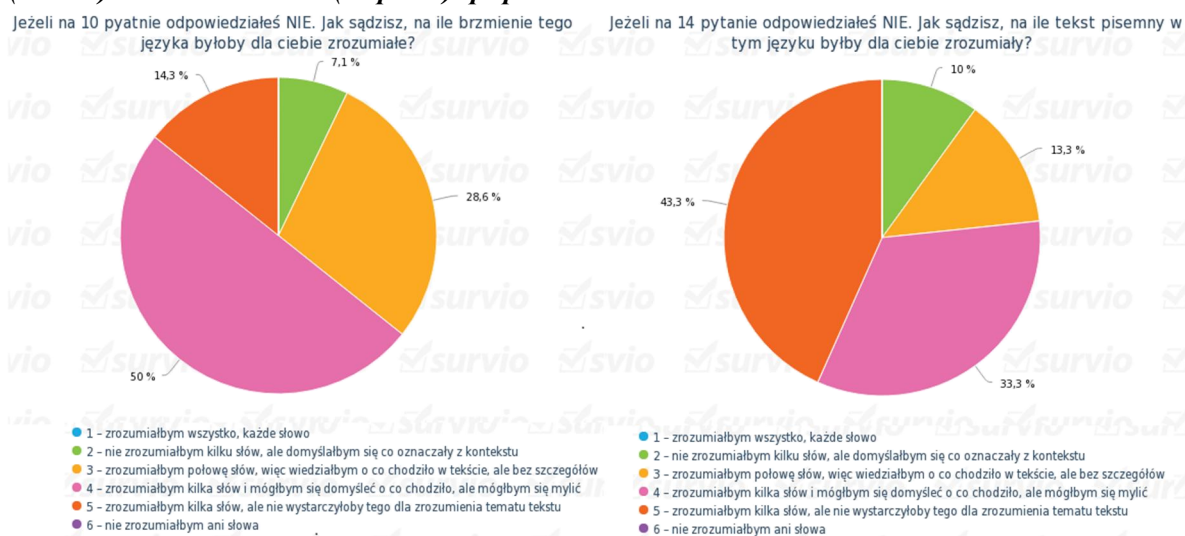
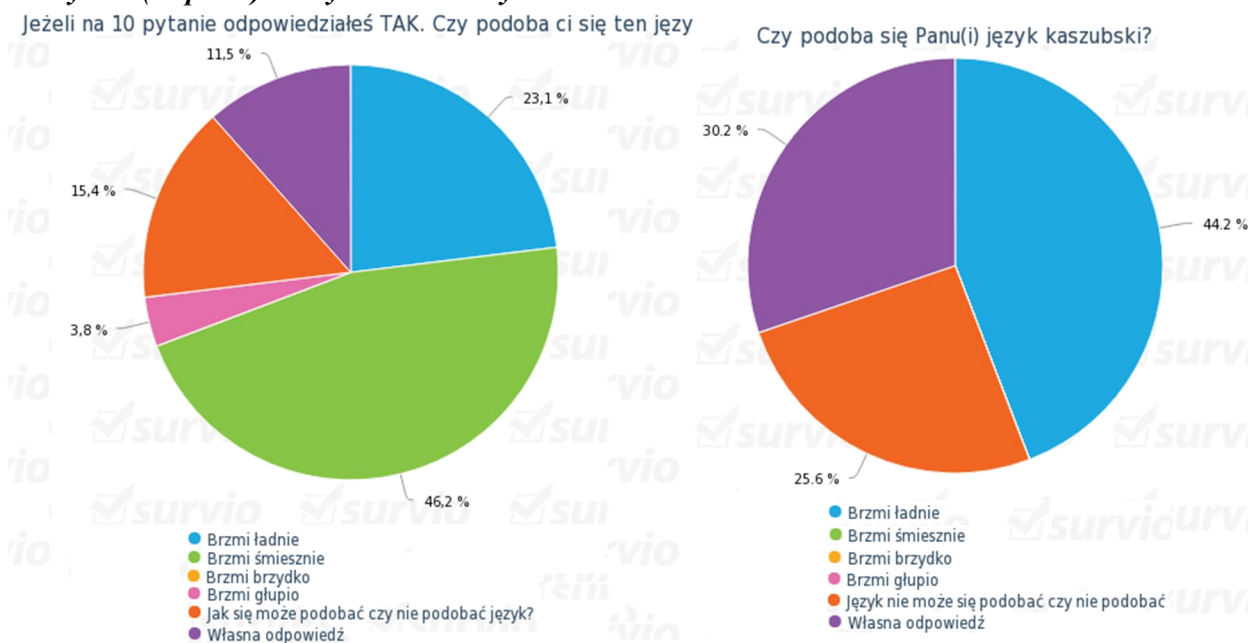

Рисунок 9. Диаграмма, представляющая обобщенное мнение поляков (слева) и кашубов (справа) о звучании кашубского языка.

Наиболее интересные мнения кашубов о собственном языке:

Респондент №34: „Jest bardzo „miękki”, naturalny, luźny, daje więcej możliwości ekspresywnego wyrażenia się niż polski”.

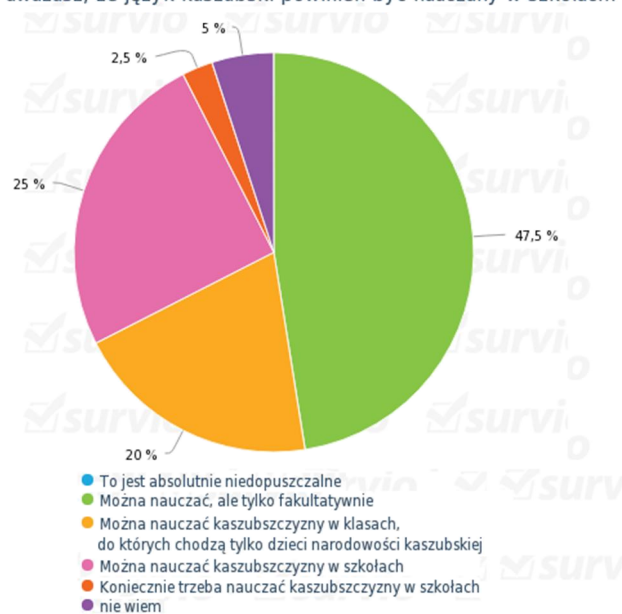
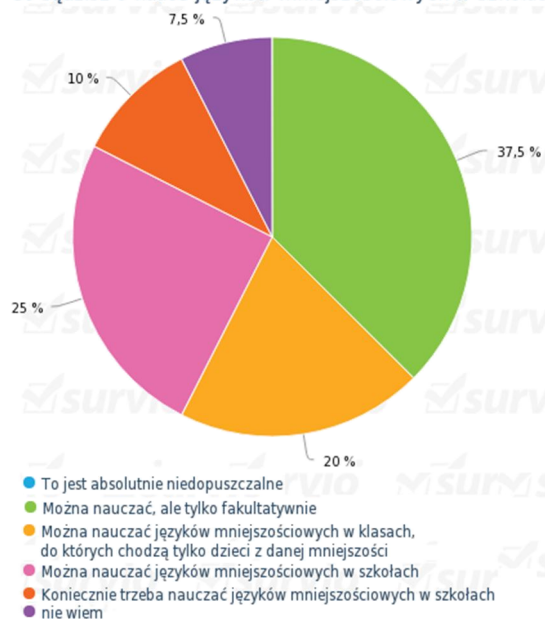
Респондент №22: „Bardzo mi się podoba. Umożliwia plastyczne opisy sytuacji, dowcipy, dobrze oddaje charakter”.

Респондент №4: „Trudno mi się na ten temat wypowiedzieć, bo jest to język ojczysty. Brzmi po prostu normalnie”.

Респондент №20: „Uważam język kaszubski za spuściznę mojego regionu”.

Рисунок 10. Диаграмма, представляющая мнение поляков (сверху) и кашубов (снизу) об изучении в школе языков меньшинств (слева) и конкретно кашубского языка (справа).

Co sądzisz o nauce języków mniejszościowych w szkołach? Czy uważasz, że język kaszubski powinien być nauczany w szkołach?

Co sądzi Pan(i) o nauce języków mniejszościowych w szkołach? Czy uważa Pan(i), że język kaszubski powinien być nauczany w szkołach?

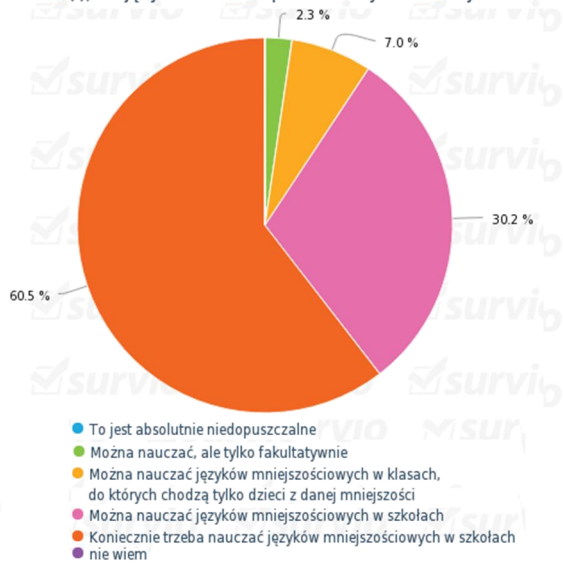
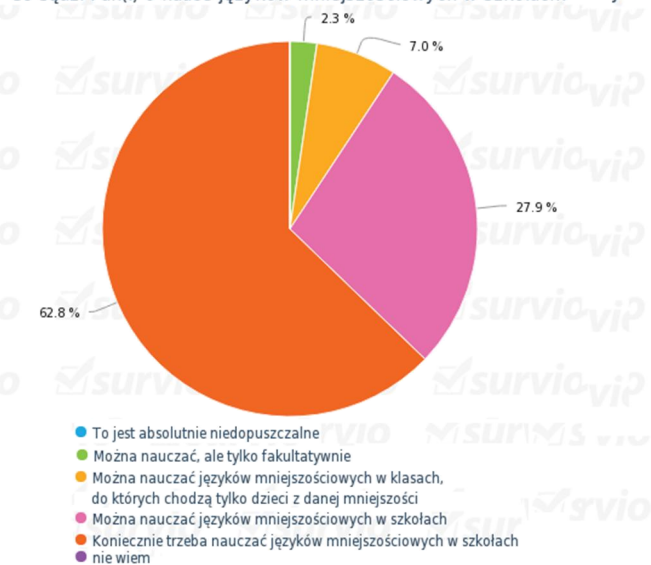
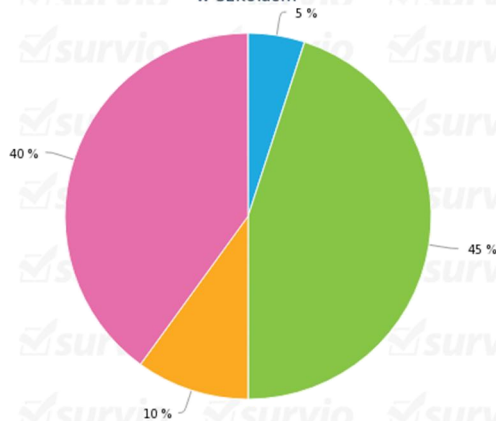

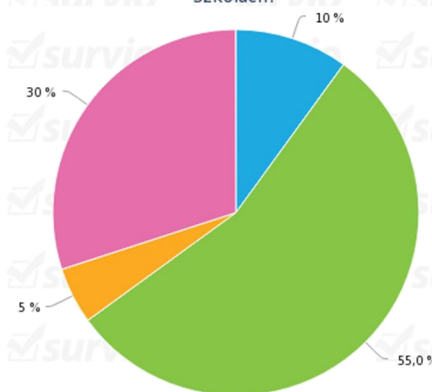
Рисунок 11. Диаграмма, представляющая мнение поляков (сверху) и кашубов (снизу) об обучении в школе на языках меньшинств (слева) и конкретно кашубском языке (справа).

Co sądzisz o wykładaniu innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach?

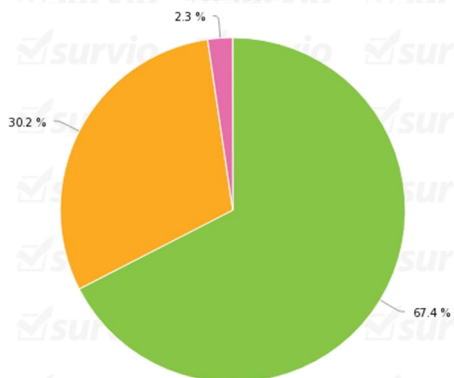
- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych
- Koniecznienależy nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach
- Nie wiem

Co sądzisz o wykładaniu innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach?

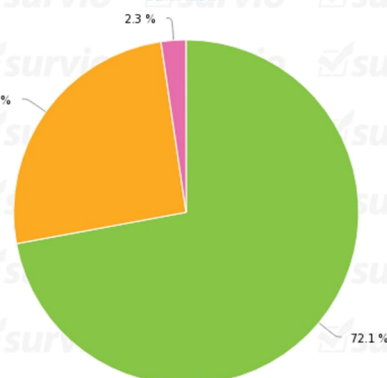
- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim
- Koniecznienależy nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach
- Nie wiem

Co sądzi Pan(i) o wykładaniu innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach?

- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych
- Koniecznienależy nauczać innych przedmiotów w językach mniejszościowych w szkołach
- Nie wiem

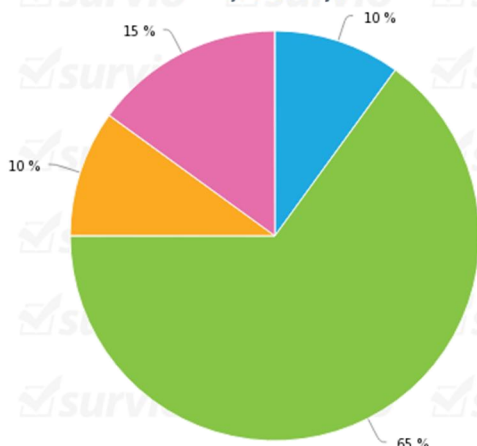
Co sądzi Pan(i) o wykładaniu innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach?

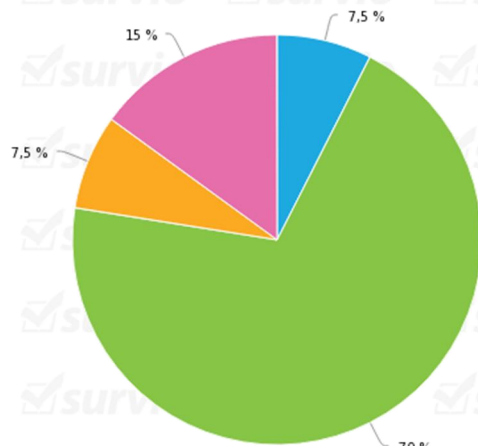
- To jest absolutnie niedopuszczalne
- Można nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim
- Koniecznienależy nauczać innych przedmiotów w języku kaszubskim w szkołach
- Nie wiem

Рисунок 12. Диаграмма, представляющая мнение поляков (сверху) и кашубов (снизу) о сдаче выпускного экзамена языков меньшинств (слева) и конкретно кашубского языка (справа).

Co sądzisz o maturze z języka mniejszościowego/w języku mniejszościowym? Co sądzisz o maturze z języka kaszubskiego/w języku kaszubskim?

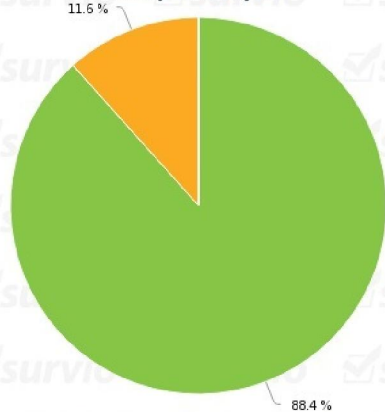

- Matura to bzdura, a w takiej formie tym bardziej!
- Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
- To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli jakiejkolwiek mniejszości narodowej lub etnicznej
- Nie wiem

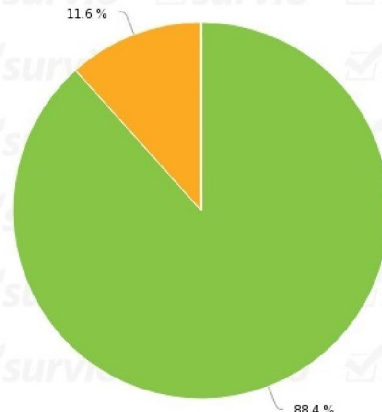
- Matura to bzdura, a w takiej formie tym bardziej!
- Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
- To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli narodowości kaszubskiej
- Nie wiem

Co sądzi Pan(i) o maturze z języka mniejszościowego/w języku mniejszościowym?

- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
- Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
- To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli jakiejkolwiek mniejszości narodowej lub etnicznej
- Nie wiem

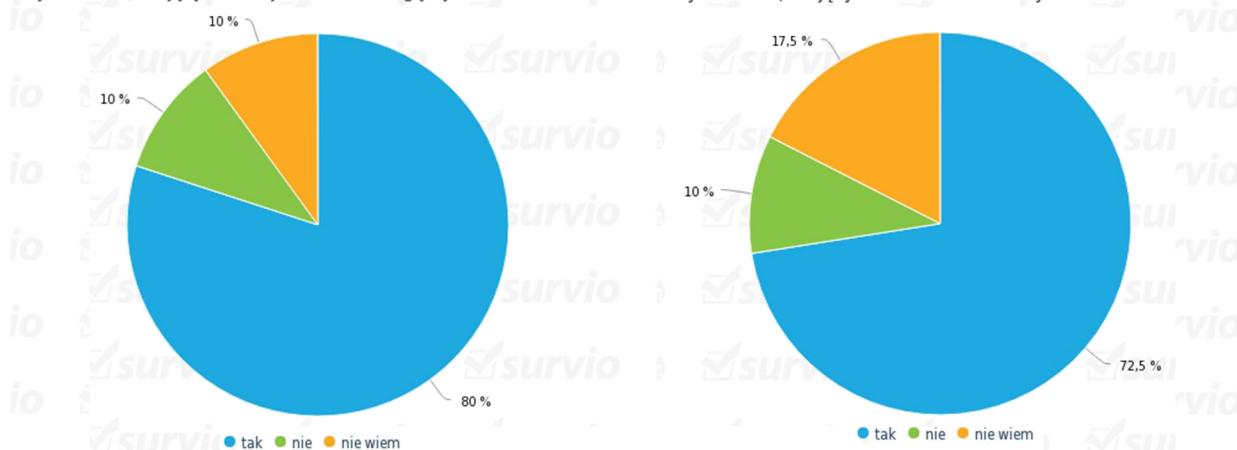
Co sądzi Pan(i) o maturze z języka kaszubskiego/w języku kaszubskim?

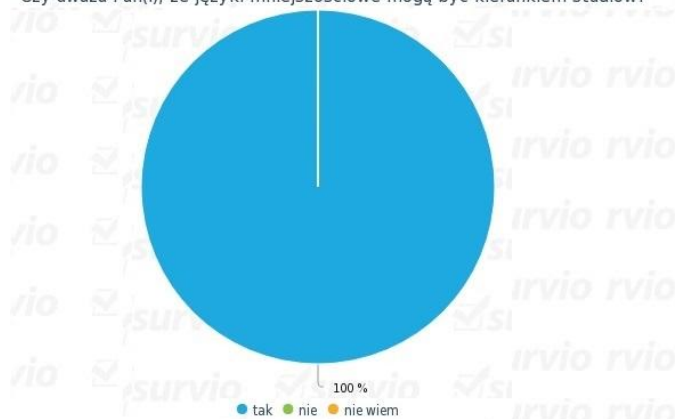
- Matura ma negatywną reputację, i to tylko pogorszyłoby sytuację.
- Maturzyści powinni mieć taką opcję do wyboru
- To ma być obowiązkowe w szkołach, do których chodzi większość przedstawicieli narodowości kaszubskiej
- Nie wiem

Рисунок 13. Диаграмма, представляющая мнение поляков (сверху) и кашубов (снизу) об изучении в ВУЗах языков меньшинств (слева) и конкретно кашубского языка (справа).

Czy uważasz, że języki mniejszościowe mogą być kierunkiem studiów? Czy uważasz, że język kaszubski może być kierunkiem studiów?

Czy uważa Pan(i), że języki mniejszościowe mogą być kierunkiem studiów?

Czy uważa Pan(i), że język kaszubski może być kierunkiem studiów?

Некоторые наиболее интересные ответы кашубов о реакции поляков на их речь:

Респондент №1: «Reakcje są bardzo różne. Zazwyczaj osoby z daleka wykazują zainteresowanie tym językiem i różnicami, niestety polskojęzyczni mieszkańcy Pomorza, a szczególnie Trójmiasta, wykazują rasistowską postawę względem języka kaszubskiego i jego użytkowników, bardzo często wypowiadając się o nich wulgarnie jak gorzej wykształconych ludzi, bądź przytaczając powiedzenie: „sledź nie ryba, Kaszub nie człowiek»

Респондент №4: «zdziwienie, zainteresowanie ale też usłyszałem słowa „To jest Polska, powinniśmy mówić po polsku." (od dziewczyny w moim wieku) /23 года/

Респондент №8: «zainteresowanie, uśmiech (pozytywnie)»

Респондент №9: «Szok, porównanie do języka niemieckiego, śmiech, ale i szacunek»

Респондент №10: «Zazwyczaj koledzy ze studiówdzielili się na tych co podziwiali mowę kaszubską i na tych, których to śmieszyło.»

Респондент №16: «Niektóre osoby są zdziwione, że ktoś używa tego języka, bo uważają kaszubski za język „wieśniacki”, którym mówi się tylko w domu, którego używają tylko mieszkańcy wsi. Niestety wiele osób podśmiewa się słysząc język kaszubski, okazuje zażenowanie, niektórzy okazują pogardę.»

Респондент №20: «Jeszcze kilka lat temu byłby to śmiechale dzisiaj raczej zainteresowanie i aprobata.»

Респондент №22: «Głównie zdziwienie, wywołane najpewniej fakem, że ktoś z młodszego pokolenia używa kaszubskiego i nie wstydzi się tego».

Респондент №28: «Śmiech, zdziwienie, niewiedza, czasem pogarda, nienawiść, próba określenia mnie jako „volksdeutsch».

Респондент №32: «być może zainteresowanie, ale „obcy: już się nie odważają na nic więcej – nie są u siebie, tomy Kaszubi tu rządząmy»

Респондент №41: «Zdziwienie, zainteresowanie, zazdrość Ale pozytywna»

Респондент №44: «Pogarda ze strony starszego pokolenia starszego ode mnie /32 zoda/ (zwłaszcza dawniej – 10 i więcej lat temu) i zainteresowanie/obojętność ze strony młodszych osób»

Некоторые наиболее интересные мнения кашубов о польском языке:

Респондент №1: «Uważam go za szkodliwy dla kaszubszczyzny, wpływających negatywnie na żywotność języka poprzez polonizację jego użytkowników»

Респондент №5: «Język polski stanowi narzędzie kolonizacji kulturowej mniejszości narodowych w Rzeczypospolitej. Język polski dla mnie jest dialektem języka rosyjskiego zapisywanym łacinką.»

Респондент №10: «Zarówno język polski jak i kaszubski powinny być nauczane w szkołach równiegle. Język polski jest ważniejszy niż kaszubski.

Респондент №18: «Jest o wiele cięższy niż kaszubski Ogólnie jest to dobrze»

Респондент №20: «Język polski jest naszym narodowym a kaszubski zaś domowym. Oba języki są równe pod każdym względem.»

Респондент №22: «Jest on dla mnie ważnym na równi z językiem kaszubskim. Jako Polak sędzę, że edukacja powinna odbywać się głównie w języku polskim. Jest to bowiem nasz język narodowy, o którego czystość i piękno powinniśmy dbać. Należy jednak troszczyć się o zachowanie i popularyzację języka kaszubskiego jako pięknego elementu naszej pomorskiej kultury i kultywować i rozpowszechniać jego używanie w codziennych sytuacjach. Wykładanie innych przedmiotów (zwłaszcza na studiach) byłoby jednak wg mnie sztucznym. Co innego np. Nauka rzemiosła.»

Респондент №37: «Szczuję go jako język urzędowy kraju, którego jestem obywatelem»

Респондент №42: «Jest to język, który niemal zupełnie wyparł mój język ojczysty, często był narzucany przemocą».

Респондент №43: «Język polski jest moim podstawowym językiem komunikacji i uważam, że dwujęzyczność bardzo wzbogaca moje relacje i bycie w społeczeństwie»

Некоторые наиболее интересные комментарии поляков о кашубском языке:

Респондент №42: «Myślę, że należałoby zachowywać wszelkie formy języków mniejszościowych i starać się jakoś je propagować nie tylko wśród mniejszości».

Респондент №34: «Ciekawy, ale wkrótce może wymrzeć».

Респондент №26: «Jest to język, który zachował się w formie pierwotnej niewiele zmieniając się przez wieki».

Респондент №17: «Niby rozumiem o co chodzi, niby trochę przypomina język polski, ale jednak brzmi obco».

Респондент №15: «Uważam, że język kaszubski powinien zyskać większe wsparcie państwa».

Респондент №7: «Upowszechnianie wiedzy o języku kaszubskim jest potrzebne, ponieważ polskość nie jedno ma imię i można być stuprocentowym Polakiem myśląc i mówiąc także po kaszubsku. Kaszubi zawsze podkreślali swe przywiązanie do polskości, a jednocześnie bronili swej regionalnej tożsamości».

Респондент №4: «Chciałbym go choć trochę bliżej poznać».

Некоторые наиболее интересные комментарии кашубов о своем языке:

Респондент №9: «W latach kiedy trwała moja edukacja zarówno w szkołach i w życiu społecznym j. Kaszubski był zakazany półoficjalnie. Z kaszubszczyzny szydzono. Uważam, że jest to ostatni moment by ocalić i język i świadomość narodowa Kaszub.»

Респондент №12: «Język kaszubski według UNESCO znajduje się na liście języków zagrożonych wymarciem. Trzeba zrobić wszystko, aby (szczególnie młodzi) ludzie się go nauczyli – niech mowa naszych przodków przetrwa, a ludzie odzyskali zatraconą przez lata komunizmu własną tożsamość i poczucie odrębności od Polaków.»

Респондент №16: «Uważam, że nauka języka kaszubskiego powinna być obowiązkowa w szkołach, bez względu na to, czy ktoś pochodzi z rodziny kaszubskiej czy nie – mieszkasz tutaj, to naucz się języka. Przecież tak samo robimy, gdy przeprowadzamy się za granicę – musimy nauczyć się języka danego kraju. Nieważne jest dla mnie to, że przecież na Kaszubach można się bez problemu z każdym porozumieć po polsku – nauczanie się kaszubskiego to oznaka szacunku, a tymczasem bardzo wiele osób go wyśmiewa, gardzi nim, wstydzi się go. Jeśli się komuś nie podoba, to niech niekomentuje, a najlepiej -

wyjedzie. Języki mniejszościowe w Polsce traktowane po macoszemu, niemal jak jakieś zagrożenie dla integralności kraju, podobnie sami przedstawicielmniejszości.»

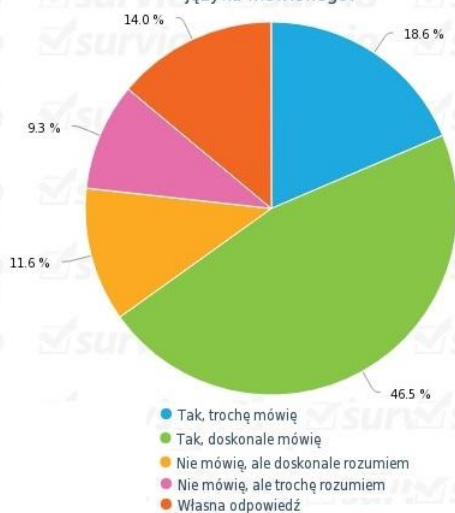
Респондент №22: «Powinno się zachęcać ludzi do używania kaszubszczyzny i budować poczucie dumy ze znajomości tego języka jak i pochodzenia z tych pięknych stron i ludzi. Wielokrotnie spotykamy się jednak z tym, że w szkołach i na uczelniach języka kaszubskiego uczą ludzie nie będący kaszubami, osoby, które języka kaszubskiego nie poznały w rodzimym domu czy otoczeniu, a całą wiedzę o nim czerpią ze studiów i książek. Uważam ta za zjawisko wysoce szkodliwe w procesie kształtowania świadomości i znajomości kaszubskiego wśród młodych pokoleń, Osoby takie nierzadko zniekształcają brzmienie języka, nie są świadome pewnych (tak specyficznych wg mnie dla języka kaszubskiego) niuansów związanych z zabarwieniem emocjonalnym immnogością znaczeń danych słów i wyrażień. Powinno się dołożyć wszelkich starań, by zachęcić rodowitych Kaszubów do przekazywania swojej wiedzy o języku młodszemu pokoleniom, także w szkołach i na uniwersytetach. Powinni oni być głównymi nauczycielami języka, nie zaś przedstawiciele ludności napływowej, którzy po prostu „nie czują” kaszubskiego.»

Респондент №31: «Trochę mało młodych osób mówi po kaszubsku, akby wstydzą się tego w ciągłym otoczeniu języka polskiego»

Респондент №42: Język kaszubski przetrwał mimo bardzo niesprzyjających okoliczności historycznych i dlatego należymu się szacunek.»

Рисунок 14. Диаграмма, представляющая степень владения носителей кашубского языка устной и письменной формами языка.

Czy mówi Pan(i) w języku kaszubskim? Jak ocenia Pan(i) swój poziom znajomości języka mówionego?

Czy pisze Pan(i) w języku kaszubskim?

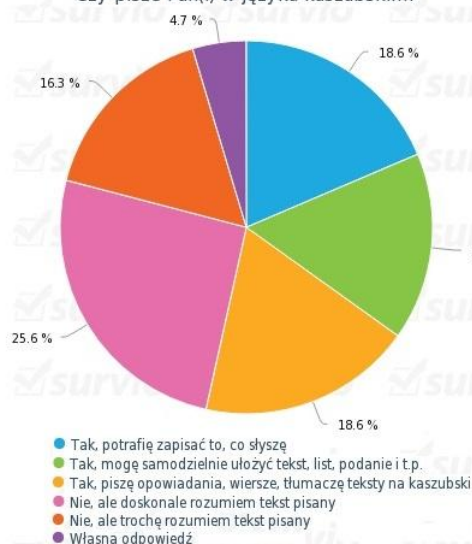

Рисунок 15. Источник владения кашубами устной формой языка.

7 Gdzie się Pan(i) nauczył(a) rozmawiać/rozumieć po kaszubsku? Jakie miejsce język kaszubski zajmuje w Pana(i) życiu? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)			
#▲	Odpowiedź	Odpowiedzi	Udział
●	Rodzice/dziadkowie mówią po kaszubsku do siebie i do dzieci/wnuczków, ale młodsze pokolenie używa w domu tylko polskiego	22	50 %
●	Własna odpowiedź	13	29.5 %
●	Rodzice/dziadkowie mówią po kaszubsku do siebie, ale do dzieci/wnuczków po polsku	10	22.7 %
●	Wszyscy w domu mówią do siebie po kaszubsku, w tym młodsze pokolenie	4	9.1 %
●	Koledzy/rówieśnicy na podwórku mówili do mnie po kaszubsku, a ja do nich po polsku	2	4.5 %
●	Mówiliśmy do siebie po kaszubsku z kolegami/rówieśnikami na podwórku	3	6.8 %
●	W przedszkolu	1	2.3 %
●	Nie znam kaszubskiego z domu, albo podwórka, ale uczyłem się go w szkole	1	2.3 %
●	Uczyłem się kaszubskiego w szkole i na studiach	9	20.5 %
●	Znam język tylko ze studiów	2	4.5 %
Własna odpowiedź: ●			
Mieszkałem w domu, gdzie wszyscy mówili po kaszubsku. Pisać i czytać nauczyłem się sam gdy dorosłem	Lektorat, fakultet na studiach, dalsza rodzina, zjazdy rodzinne (jestem Kaszubką z pochodzenia)	znajomi, mieszkańcy wsi mówili po kaszubsku. u mnie w domu mówiło się "spolszczonym" kaszubskim	od Babci, od kolegów ze stowarzyszenia Kaszëbskô Jednota oraz z anteny Radia Kaszëbë
Dziadkowie mówili po kaszubsku, rodzice mówili do siebie i do mnie po polsku	W domu mama i dziadkowie mówią po kaszubsku, ja uczyłem się go w internecie	Rozumiem dzięki dziadkom, ale mówić nauczyłem się z książek i internetu.	czasem rozmawia się po kaszubsku z sąsiadami, czasem żartuje z rówieśnikami
Zaczynamy mówić ze sobą w gronie części znajomych po kaszubsku	Z internetu oraz od znajomych poznanych w czasach licealnych	kurs języka kaszubskiego	Trochę od rodziny, trochę z radia, trochę z książek
	od mojego męża		

Рисунок 16. Источник владения кашубами письменной формой языка.

10 Gdzie się Pan(i) nauczył(a) pisać/czytać po kaszubsku? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)															
#▲	Odpowiedź	Odpowiedzi	Udział												
●	W domu	12	27.3 %												
●	W przedszkolu	2	4.5 %												
●	W szkole	12	27.3 %												
●	Na studiach	5	11.4 %												
●	Samodzielnie z podręczników	20	45.5 %												
●	Własna odpowiedź	11	25 %												
<table border="0"> <tr> <td>W procesie samokształcenia. Na początku przy pomocy przyjaciół, później w pracy.</td> <td>Nauczyłem się samodzielnie opierając się o różne książki i czasopisma</td> <td>samodzielnie z książek (nie podręczników)</td> <td>na studiach na kursie-trochę umiem</td> </tr> <tr> <td>nie umiem</td> <td>Z podręczników i internetu</td> <td>głównie ze stron internetowych</td> <td>na kursie jezka kaszubskiego</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td>Z książek</td> <td>internet</td> </tr> </table>				W procesie samokształcenia. Na początku przy pomocy przyjaciół, później w pracy.	Nauczyłem się samodzielnie opierając się o różne książki i czasopisma	samodzielnie z książek (nie podręczników)	na studiach na kursie-trochę umiem	nie umiem	Z podręczników i internetu	głównie ze stron internetowych	na kursie jezka kaszubskiego			Z książek	internet
W procesie samokształcenia. Na początku przy pomocy przyjaciół, później w pracy.	Nauczyłem się samodzielnie opierając się o różne książki i czasopisma	samodzielnie z książek (nie podręczników)	na studiach na kursie-trochę umiem												
nie umiem	Z podręczników i internetu	głównie ze stron internetowych	na kursie jezka kaszubskiego												
		Z książek	internet												

Рисунок 17. Ситуации активного использования кашубского языка.

12 W jakiej sytuacji Pan(i) się posługuje zazwyczaj językiem kaszubskim? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)						
#▲	Odpowiedź	Odpowiedzi	Udział			
●	W domu	26	59.1 %			
●	W nieformalnej rozmowie, z przyjaciółmi itd.	29	65.9 %			
●	W sklepie, kasie biletowej, lokalu itd.	10	22.7 %			
●	Na zajęciach w szkole lub na uczelni itd.	10	22.7 %			
●	W pracy	10	22.7 %			
●	W sytuacji oficjalnej, w urzędzie itd.	8	18.2 %			
●	Zawsze mówię tylko po kaszubsku	2	4.5 %			
●	W żadnej	7	15.9 %			
●	W innej(ych) sytuacji(ach) (proszę wymienić)	3	6.8 %			
<table border="0"> <tr> <td>Podczas spotkań regionalistów i prowadzenia zajęć i prelekcji</td> <td>W dyskusjach w internecie.</td> <td>czasem z sąsiadami</td> </tr> </table>				Podczas spotkań regionalistów i prowadzenia zajęć i prelekcji	W dyskusjach w internecie.	czasem z sąsiadami
Podczas spotkań regionalistów i prowadzenia zajęć i prelekcji	W dyskusjach w internecie.	czasem z sąsiadami				

Рисунок 18. Ситуации пассивного использования кашубского языка.

11 Czy Pan(i) czyta prasę, literaturę piękną, ogląda TV, słucha radia w języku kaszubskim? (proszę zaznaczyć wszystkie właściwe odpowiedzi)

#▲	Odpowiedź	Odpowiedzi	Udział
●	Czytam literaturę piękną	15	34.1 %
●	Czytam prasę	22	50 %
●	Oglądam programy telewizyjne	23	52.3 %
●	Słucham radia	36	81.8 %
●	Czytam artykuły, oglądam wideo, słucham piosenek w internecie	28	63.6 %
●	Coś jeszcze (proszę wymienić)	9	20.5 %

Chodzę na spektakle i koncerty w języku kaszubskim

śpiewam w języku kaszubskim w zespole ludowym

czytam książki - opracowania dotyczące języka

kilka razy czytałem prozę po kaszubsku

krótkie teksty - wiersze

Nie czytam.

nic

Nie ponieważ jest mało dostępna

Рисунок 19. Диаграммы, представляющие тенденцию кашубов(слева) и поляков (справа) к смене места жительства.

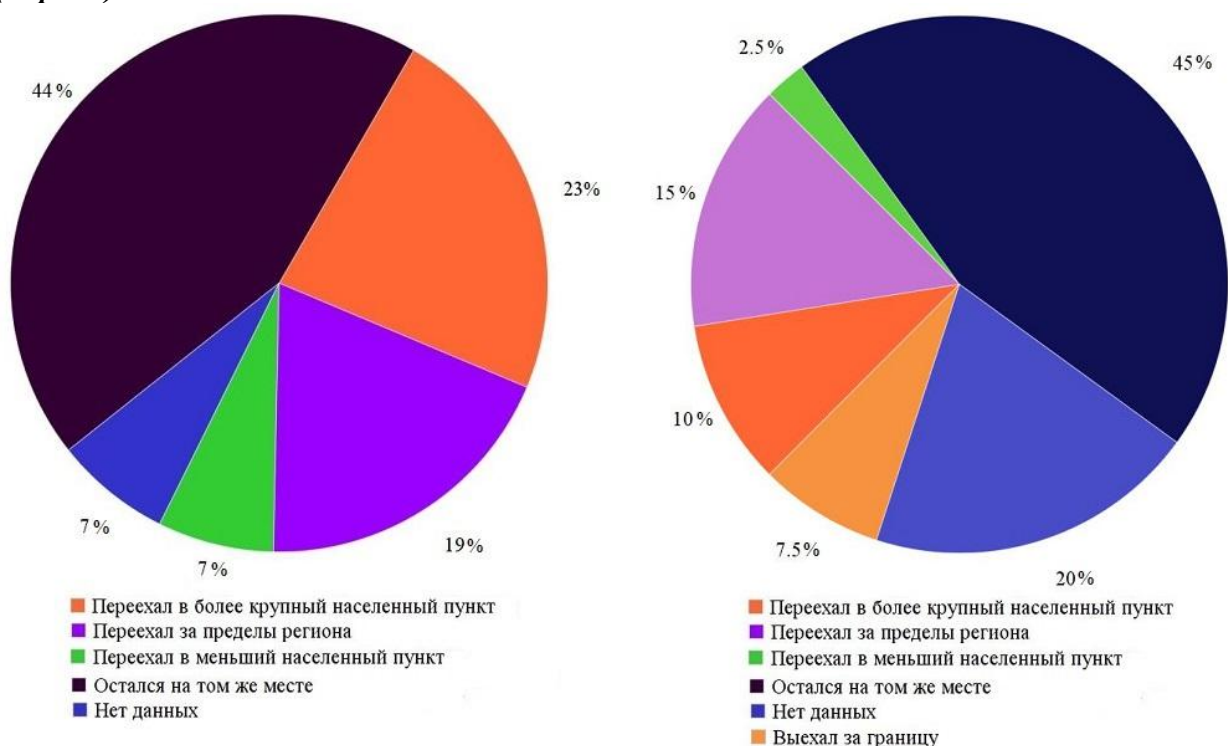

Таблица 2. Данные о славянских микроязыках

	Примерная численность носителей		Государство расселения	Постоянный контакт со славянами	Статус
Кашубский	108.100		Польша	100%	Официальный статус
Русинский	80.800	55.000	Словакия	100%	Общий закон
		11.340	Сербия		Официальный статус
		6.700	Украина		Официальный статус
		6.300	Польша		Официальный статус
		1.500	Хорватия		Общий закон
Верхнелужицкий	20.000		Германия	трансграничный	Специальный закон
Градищанско-хорватский	17.850		Австрия	минимальный	Нет данных
Нижнелужицкий	6.700		Германия	трансграничный	Специальный закон
Банатско-болгарский	<6.500		Румыния	трансграничный	Нет данных
Молизско-славянский	1.000		Италия	отсутствует	Общий закон
Резьянский	<1.500		Италия	трансграничный	Специальный закон

Рисунок 20. Карта расселения носителей кашубского языка

Рисунок 21. Карта расселения носителей диалектов русинского языка

Рисунок 22. Карта расселения носителей серболужицких языков

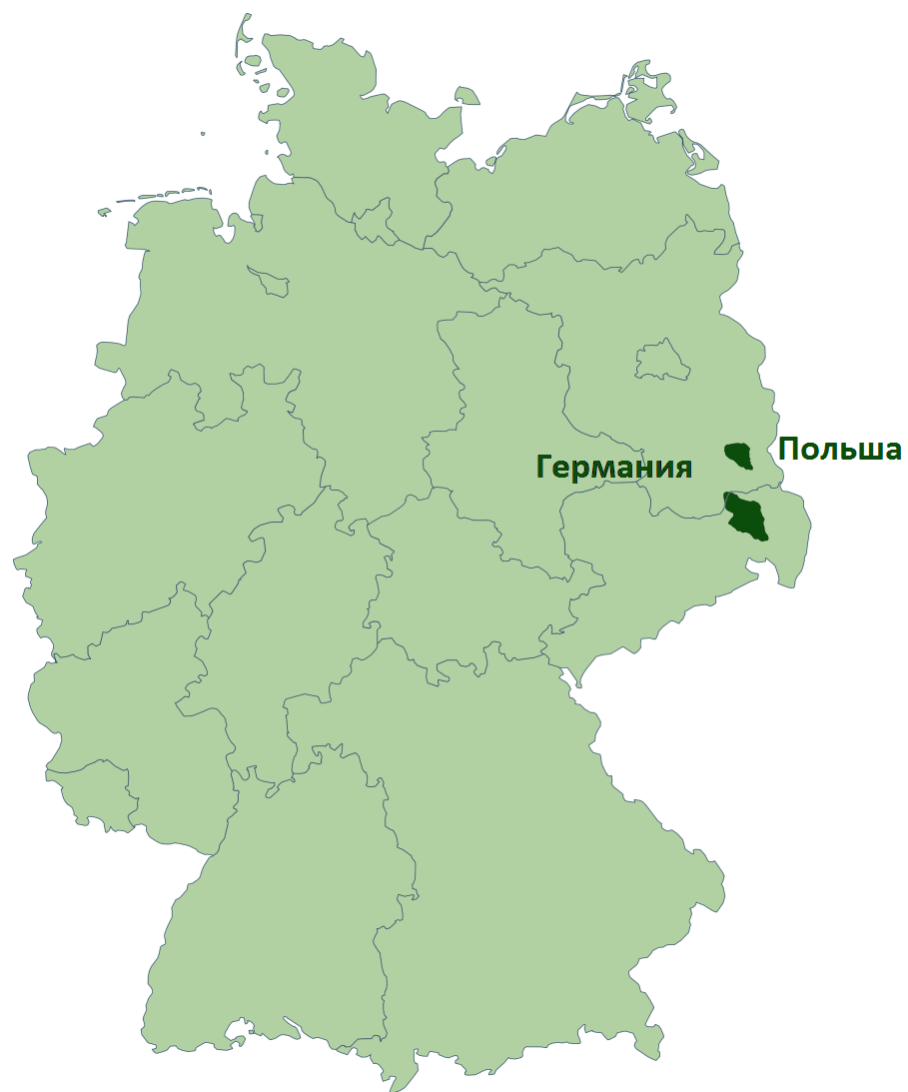

Рисунок 23. Карта расселения носителей резьянского языка

Рисунок 24. Карта расселения носителей молизско-славянского языка

Рисунок 25. Карта расселения носителей градищанско-хорватского (в Австрии) и банатско-болгарского (в Румынии) языков

